

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI ORCID SCOPUS COPYRIGHT

**Сборник научных трудов
по материалам II Международной
научно-практической конференции**

**Филология и
литературоведение в
контексте межкультурной
коммуникации**

**17 декабря
2017 г.**

Москва

УДК 81

ББК 81

Ф 547

Главный редактор: Плесканюк Т.Н.
Технический редактор: Жаворонкова А.Д.

Филология и литературоведение в контексте межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции 17 декабря 2017. –г. Москва: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. –65 с.

В сборнике научных статей рассматриваются современные вопросы науки, образования и практики применения результатов научных исследований по материалам I Международной научно-практической конференции «Филология и литературоведение в контексте межкультурной коммуникации» (17 декабря 2017 г.).

Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, научных и педагогических работников, докторантов, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 1844-08/2016К от 15.08.2016.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте научно-издательского центра «Открытое знание» <http://www.scipress.ru>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 81

ББК 81

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2017

© Коллектив авторов, 2017

© Редактор Плесканюк Т.Н., 2017

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Научно-издательский центр «Открытое знание», г. Нижний Новгород

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры Иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет), г.Н.Новгород

Члены организационного комитета:

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, г.Саранск

Бёртон Барбара – доктор наук, Директор международного отдела Колледжа центрального Иллинойса, г. Ист-Пеория, Иллинойс, США

Бойцова Инта Валентиновна – кандидат педагогических наук, магистр МБА, преподаватель кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г.Н.Новгород

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела Казахской головной архитектурно-строительной академии, г. Алматы, Казахстан

Кондрашкина Антонина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, г.Н.Новгород

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, г.Н.Новгород

Регнер Сесиль – Вице-президент Общественного колледжа Роксбери, Массачусетс, США

Рогова Галина Ивановна – кандидат социологических наук, начальник отдела договорно-правовой работы факультета «Высшая школа государственного управления» Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), г. Н.Новгород

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им Н.А. Добролюбова, г.Н.Новгород

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г.Н.Новгород

Твердохлеб Ольга Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета, г.Оренбург

Фирсова Анна Михайловна – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры словесности и культурологии ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», лауреат премии правительства Российской Федерации в области образования, г.Н.Новгород

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алеханов А.С. Большакова Ю.В. Национальное воспитание студентов юридических вузов.....	5
Алымова Е.В. Языковая картина мира в зеркале концептосферы «Образование»	10
Билиневич Т.А. Сопоставление культурно значимых единиц русского и румынского кулинарных дискурсов (на материале именовании блюд и кулинарных паремий)	18
Дарбишева Х.А., Аликулиева Д.Р. Способы перевода названий фильмов с английского на русский язык	25
Джабраилова В.С., Гоборова Е.В. Прецедентные русскоязычные высказывания в аспекте устного перевода на английский язык	31
Киреева Я.И. Особенности репрезентации статичного и динамичного пространства в художественном произведении У. Фолкнера «The Hamlet»	39
Komissarova A.L. Logical Reasoning as a Poetic Device in John Donne (Based on the Poem “Song” (“Go and Catch a Falling Star”))	44
Сухоруков А.Н., Процесс организации языковой пуристической деятельности.....	49
Сырцова О. В. Речевая коммуникация как важнейшая составная жизни современного человека	54
Токарева О.В. Категория одушевленности / неодушевленности и ее отражение в синтаксисе английского и русского языков	58

УДК 740

Алеханов А.С. Большакова Ю.В. Национальное воспитание студентов юридических вузов**Алеханов Алексей Сергеевич**студент
Владимирского юридического
института ФСИН России
г. Владимир**Большакова Юлия Николаевна**студент
Владимирского Химико-Механического
колледжа России
г. Владимир**National education law students****Alekhonov Alexey Sergeevich**student
Vladimir legal Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia, Vladimir**Bolshakova Julia Nikolaevna**student
Vladimir Chemical-Mechanical
College of Russia, Vladimir

Аннотация. В данной статье написано, как необходимо толерантно решать национальные и межнациональные, общечеловеческие проблемы.

Ключевые слова: этнизация, свобода, толерантность, культура, воспитание.

Abstract. In this article it is written, how it is necessary to solve tolerably national and interethnic, universal problems.

Keywords: ethnization, freedom, tolerance, culture, upbringing.

Современное человечество представляет собой огромное множество различных исторически сложившихся общностей - наций, народностей, этнических групп. Только на территории России, по данным ученых-этнологов, их насчитывается более трехсот. Каждая нация и народность отличается единством языка и культуры, имеет свои особенности в образе жизни, в образовании и воспитании. В настоящее время в условиях общемировых

процессов интернационализации и глобализации, политических и социально - экономических реформ в России формируется новая образовательная ситуация, для которой характерно усиление этнизации содержания образования и воспитания, учет национальных особенностей культуры народов, проживающих на территории нашей страны.

Как показывает анализ научной литературы, единство в трактовке понятия «национальное воспитание» отсутствует. Тем не менее, многие исследователи считают, что национальное воспитание – это планомерная деятельность, направленная на формирование у воспитанников чувства патриотизма и доброго отношения к Отчизне и к представителям других культур. Главной целью национального воспитания на современном этапе является передача молодому поколению социального опыта, богатой духовной культуры народа, его национальной ментальности, родства мировоззрения.

Известный русский ученый И.А. Ильин писал: "Национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека... С ним необходимо бороться настойчиво и вдохновенно. И вести эту борьбу необходимо с детства.

Великий русский педагог К.Д. Ушинский считал, что:

- 1) «...народ имеет свою особую характеристическую систему воспитания»;
- 2) «в душе человека черта национальности коренится глубже всех прочих»;
- 3) «воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальностью более, чем что-либо другое».

Немецкий мыслитель Вильгельм фон Гумбольдт в своей работе «Язык и философия культуры» отмечает, что «духовной формой человечества» является народ или нация. Исходя из того, что каждый народ имеет свой язык, ученый приходит к выводу о связи языка с духом нации. «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». Поэтому духовное

развитие нации определяется, согласно Гумбольдту, уровнем сформированности языка. «Ослабленность духовной силы нации» сказывается, в первую очередь, на «несовершенстве» языка и стимулирует нацию к духовным преобразованиям. Таким образом, язык подталкивает человечество к «постоянной деятельности», к развитию. Именно национальную культуру Гумбольдт считал основой воспитания. Будущим юристам незнание титульного языка республики будет мешать контакту с людьми, приобщению к истории, литературе, традициям, обычаям. В то же время нельзя забывать о последовательном межнациональном воспитании студентов, ибо национальная замкнутость во все времена еще никому пользы не принесла.

Национальное своеобразие воспитания проявляется у каждого народа как свое отличительное, самобытное (культура, язык, обычаи, традиции). Это своеобразие мы видим также в поведении людей, умении разговаривать и обсуждать какие-либо проблемы, выстраивать взаимоотношения и налаживать сотрудничество. По сути - это культура межнационального общения, где признание, понимание, принятие особенностей каждого человека и народа в целом реализуются во взаимодействии, в информационной, коммуникативной сферах деятельности человека и передаче опыта и культурного наследия от поколения к поколению. Культура создается сообща. Любой народ гордится своими памятниками, фольклором, своей музыкой и литературой, своими изобретениями. Более того, если такой гордости нет, это признак какого-то серьезного национального неблагополучия. Гордиться народу следует и своим большим и небольшим вкладом в культуру человечества. Ибо во всяком культурном вкладе любого народа есть нечто свое неповторимое, а потому и особенно ценное.

Формированию толерантного отношения к взглядам, убеждениям, духовным этническим ценностям различных национальностей проживающих на территории Российской Федерации было посвящено проведение фестиваля национальных культур среди курсантов и студентов Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.

Студентам ВЮИ ФСИН России дается установка на позитивное восприятие этнического и конфессионального многообразия, интерес к другим культурам, уважение присущих им ценностей, традиций, своеобразия образа жизни их представителей. Реализуемые образовательные программы и система работы с обучающимися в значительной степени направлены на воспитание толерантного сознания, неприятие национализма, шовинизма и экстремизма. С целью эффективности был спланирован и проведен ряд мероприятий:

В сфере учебно-методического сопровождения образовательного процесса;

в сфере научного сопровождения образовательного процесса;

в сфере информационно пропагандистской работы;

в сфере психологического сопровождения личного состава.

Сегодня известно такое понятие, как межкультурная грамотность (понимание культуры других народов). Это осознание различий в идеях, обычаях, культурных традициях, присущих разным народам, способность увидеть общее и различное между разнообразными культурами и взглянуть на традиции собственного общества глазами других народов. В образовательном процессе под общекультурной грамотностью подразумевается общее понимание учащимися определяющих характеристик культур мира, проникновение в сущность их сходств и различий, знание и эмпатическое восприятие разнообразных культур, осознание ценности и неповторимости каждой из них. Следовательно, перед педагогом стоит задача формирования межкультурно - ориентированной личности, способной к пониманию культуры другого народа и позитивному к ней отношению, осмыслению ее сквозь призму собственной культуры. Учитель при этом выступает в качестве образца, демонстрируя рациональное и открытое мышление, но не отказываясь от собственной позиции.

По сути - это современный интернационализм, когда мы умеем воспринимать культуру других, не ущемляя ее достоинств, не нанося вреда людям, несущим эту культуру. С другой стороны, это возможность

продемонстрировать культуру своего народа, знать свои отличительные особенности, традиции, обычаи, фольклор, народные промыслы, гордиться этим своеобразием. Следовательно, интернационализм - это этническое социально-психологическое образование, выражающееся в уважении к человеку любой национальной общности, расположенности к содружеству с людьми любой нации и желании блага представителям всех этнических групп. Интернационализм - международная солидарность людей различных наций и рас, основа их взаимопонимания, взаимного доверия, взаимопроникновения культур, ценностей, знаний и технологий; он противоположен национализму.

Таки образом, следует толерантно решать национальные и межнациональные, общечеловеческие проблемы в стенах вуза, приобщать студентов к истинной национальной и общечеловеческой культуре воспитывать в них высокую интеллигентность и уважение.

Собирая и обдумывая материалы для своей статьи, мы поняли одну простую вещь: нельзя предавать и нельзя забывать, нельзя рвать со своими корнями. Невозможно идти дальше, когда у людей отнимают огромные пласты их жизни.

Библиографический список

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика [Электронный ресурс] / Г.Н. Волков. – Режим доступа. – http://sbiblio.com/biblio/archive/volkov_etno
2. Гумбольдт, В. ф. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред. и с предисловием док-ра филологических наук, профессора Г. В. Рамишвили. – М.: Пресс, 1984. – 398 с.
3. Остроухова А. С. Гражданственность как ценность студенческой молодёжи, <http://www.sociology.kharkov.ua/docs/chten01/ostrouhova.doc>.
4. Фомин А. О национальном воспитании наших детей традиции [Электронный ресурс] – Режим доступа. -<http://zapadrus.su/rusmir/>

Алымова Е.В. Языковая картина мира в зеркале концептосферы «Образование»

Алымова Екатерина Владимировна

канд. филол. наук, доцент кафедры общих гуманитарных и
социально-экономических дисциплин, Астраханский филиал ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
РФ, г. Астрахань

Linguistic worldview through the conceptual sphere "Education"

Alymova Ekaterina Vladimirovna

candidate of Science, assistant professor of department of common humanitarian and
social-economic disciplines
Astrakhan branch of Saratov State Law Academy
RF, Astrakhan

Аннотация. В статье анализируется языковое наполнение концептосферы «Образование», в частности, существующие определения основного концепта, сленг, как составляющая единица, а также афоризмы, пословицы и поговорки, как неотъемлемая часть любой концептосферы.

Ключевые слова. Образование, концепт, картина мира, сленг

Abstract. The article contains the analysis of the linguistic content of the conceptual sphere "Education", including definitions of the main concept, slang, proverbs and sayings as an integral part of any conceptual sphere.

Keywords. Education, concept worldview, slang.

Самый верный способ проникнуть в сущность языковой картины мира и выявить особенности ее реализации - это проследить ее реализацию через призму наполняющих ее концептосфер, выявить этимологию составляющих ее лексем, рассмотреть их реализацию в поговорках и афоризмах, и непременно выявить ассоциативные характеристики в сознании носителей той или иной культуры. Именно с этих точек зрения нами был исследован концепт «образование».

Учитывая растущие тенденции создания единого образовательного пространства и подписание Россией Болонского соглашения, необходимо тщательное изучение систем образования тех стран, откуда мы начинаем заимствовать те или иные концепты. Мы постарались проникнуть вглубь концептосферы «образование», выявить ее лексические и смысловые

компоненты и рассмотреть реализацию ее сущности через призму определенных лингвистических явлений.

Довольно показательным при определении концептосферы являются данные толковых словарей. Мы изучили около 50 словарных статей, касающихся определений термина «образование» как в российской, так и в англоязычной лингвокультурах:

Так, например, Cambridge Dictionary предлагает следующее определение: *«Education is the process of teaching or learning in a school or college, or the knowledge that you get from this»*. Оксфордский словарь определяет термин «education» как: 1) *the profession of teaching (especially at a school or college or university)*, 2) *the activities of educating or instructing or teaching*; 3) *activities that impart knowledge or skill*; 4) *the result of good upbringing (especially knowledge of correct social behavior)*; 5) *the gradual process of acquiring knowledge*; 6) *knowledge acquired by learning and instruction*; 7) *Education = Department of Education*. Т.е., как мы видим, в данной статье отражение нашли также и психологические черты данного понятия, и абстрактность его определения. Так, в первых двух определениях образование рассматривается как действие, как процесс человеческой деятельности (act; human action; human activity). Для первых двух определений синонимами термина «образование» являются термины teaching; instruction; pedagogy (1), instruction, teaching, pedagogy, educational activity (2). В третьем определении термин «образование» рассматривается как некое абстрактное понятие (abstraction) и синонимами являются такие слова как training, breeding (3). В четвертом и пятом определении выделяются психологические черты данного процесса (psychological features) и в данных случаях синонимичны понятия mastering, acculturation (4) и eruditeness; erudition; learnedness, encyclopedism (5). В шестом определении термин «education» рассматривается как сокращенное название организации и соответственно само по себе является синонимом описываемых терминов.

Еще одно определение понятия «образование» представлено на сайте

en.wikipedia.org/wiki/Education. Данной определением является более широким и дает не только определение, но и формулирует цели образования. *«Education encompasses teaching and learning specific skills, and also something less tangible but more profound: the imparting of knowledge, good judgement and wisdom. Education has as one of its fundamental goals the imparting of culture from generation to generation»*. Т.е. в данном определении «образование» имеет своей целью и соответственно является синонимом термина «социализация» (socialization).

Еще в одной из трактовок термина «education», само понятие «education» рассматривается в совокупности с понятием «пропаганда». *«Education is the propagation of a set of beliefs, or Propaganda. We call it "education" if we already believe in it and "propaganda" if we don't»*. Рассмотрев определения понятия «образование», существующие в русской лингвистической традиции, мы отметили, что например, в таких словарях как «Толковый словарь С. Ю. Ожегова и Н. В. Шведовой», в Толковом словаре Д. Н. Ушакова» определение понятия «образование» как процесса получения и предоставления знаний стоит лишь на третьем и втором местах соответственно. Так словарь Ожегова [1, 357] трактует «образование» следующим образом: *«Образование -1. Получение систематизированных знаний и навыков, обучение, просвещение. 2. Совокупность знаний, полученных в результате обучения»*. В словаре Ушакова приводится следующее толкование термина: *«1. Процесс усвоения знаний, обучение, просвещение. 2. Совокупность знаний, полученных в результате систематического обучения»*.

Современный энциклопедический словарь (1930) дает более полное, но абстрактное определение: *«Образование - процесс развития и саморазвития личности, связанный с овладением социально значимым опытом человечества, воплощенным в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру; необходимое условие сохранения и развития материальной и духовной культуры. Основной путь получения образования - обучение и самообразование»*.

Большая советская энциклопедия (1985) [2, 532] предлагает следующее определение *«Образование – процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков; необходимое условие подготовки человека к жизни и труду...»*

Тем не менее, определения, представленные в данных словарях, являются недостаточными для отображения концептосферы российского образования вообще и современного российского образования в частности. Однако из существующих определений можно вывести синонимический ряд, описывающий данное понятие и с помощью этих синонимов представить общую картину концепта «образование»: это понятия, характерные для обеих рассматриваемых нами лингвокультур: воспитанность, компетентность, образованность, эрудиция.

Анализируя мнения и определения, даваемые такими исследователями как Г.Л. Любарский, В.П. Зинченко и рядом других, можно вывести следующие трактовки данного понятия, которые в свою очередь являются дополнением к данным словарей:

1) «образование – это общественное явление, атрибут и вечный спутник человечества на всем его историческом пути»; 2) «образование – это значимая ценность (социальная и индивидуальная)»; 3) это функция общества и государства по отношению к своим гражданам и одновременно функция граждан по отношению к своему собственному развитию (это, однако, недооценивается и школой, и родителями, и самими школьниками), обществу и государству (поскольку образование некоторого уровня является обязательным) 4) сложная иерархическая система, включающая дошкольное, школьное, внешкольное (дополнительное), начальное профессиональное, среднее специальное, высшее, магистратуру, аспирантуру, бакалавриат. 5) сфера социальной жизнедеятельности 6) деятельность, предполагающая взаимодействие педагогов и тех, кто получает образование 7) процесс 8) результаты образовательного процесса [6, 123-130].

При всей своей многоликости приведенные аспекты концептосферы

«образование» имеют и нечто общее – все они так или иначе связаны со становлением личности человека, с передачей и освоением социального и культурного опыта, с передачей культурных ценностей.

Применительно к рассматриваемому нами концепту «Образованный человек» (учитывая данные нашего эксперимента) мы можем установить, как минимум два противоположных понятия: «необразованный человек», - человек, не имеющий дипломов и аттестатов, но, тем не менее, не отличающийся глупостью; и «необразованный человек» - человек, не проявляющий наличия каких-либо умственных способностей; «необразованный человек» - не являющийся компетентным в той или иной области. Таким образом, антонимичными понятиями по отношению к понятию «образованный человек», выявленными нами при проведенном эксперименте, являются единицы «неграмотный», «глупый» и «некомпетентный». Так же социологический опрос, проведенный нами, в ходе которого респондентам предлагалось подобрать антонимы к понятию «образованный человек», выявил дополнительные варианты: неуч, глупец, дурак (преимущественно они указывают на отсутствие умственных способностей).

Анализ слов, обозначающих понятие «необразованный» в русском языке дает возможность констатировать следующее: большинство этих слов стилистически являются разговорными и просторечными, следовательно, констатация факта «необразованности» в значении «недостатка умственных способностей» чаще всего допускается только в кругу хорошо знакомых между собой людей.

Далее в ходе нашего исследования был проведен семантический анализ английских и русских пословиц разных временных периодов, рассматривающих термин «образование» или синонимичные с ним понятия. Так нами была сделана выборка из 58 английских и 87 русских пословиц. Очевидно, что в английской, впрочем, как и в русской лингвокультуре, да и в лингвокультуре любой цивилизованной страны, отношение к образованию, выраженное через пословицы и поговорки, является положительным. Однако в

последнее время в обеих лингвокультурах появляются трансформированные паремии, в которых чувствуется ирония по отношению к образованию. Например, «*век живи, веки учишься – дураком помрешь*», «*ученье свет, а неученых тьма*» и т.д.

Так же методом сплошной выборки мы установили список афоризмов, включающий 98 единиц. Мы пришли к выводу, что афоризмы в 40% случаев выражают скептическое отношение к рассматриваемому нами концепту – «*Learning is finding out what you already know*» (Richard Bach), «*Корочка о наличии высшего образования - еще не факт, что человек образован, а информация, что данный человек прослушал курс лекций об определенном образе знаний и сдал экзамены...*» (Владимир Борисов); в некоторых отмечается, что наличие одних только знаний о тех или иных фактах, не является достаточным для соответствия критерию образованности – «*It is possible to store the mind with a million facts and still be entirely uneducated*» (Alec Bourne); «*Образование есть не только школьное дело. Школа дает лишь ключи к этому образованию... Внешкольное образование есть вся жизнь. Всю жизнь должен человек себя образовывать*» (А.В. Луначарский)

Во многих афоризмах, тем не менее, синонимами образования и образованности являются такие понятия как интеллигентность и толерантность. Проанализировав смысл, подтекст и интенцию данных афоризмов можно выделить характерные черты, выделяемые в самом образовании. Это свобода, которой обладают образованные люди - *Only the educated are free* (Epictetus), это терпение, которое обретается в процессе образования - *Education is the ability to listen to almost anything without losing your temper* (Robert Frost).

Перечислим выявленные нами при анализе паремий семантические блоки: 1) *Мотивировка необходимости, целесообразности хорошо учиться* 2) *Образование как условие благополучия* 3) *Образование как бессмысленный процесс* 4) *Как следует учиться* 5) *Ценность образованного работника* 6) *порицание незнающих* 7) *о неуместном навязывании знаний* 8) *о том, что учиться нужно вовремя.*

Проанализировав собранные афоризмы, можно дополнить данную классификацию такими группами как 9) важность самообразования 10) большей важности опыта, чем образования 11) о неверной направленности образовательных программ 12) критическое отношение к образованию.

Рассматривая репрезентацию языковой картины мира через призму концептосферы «образование», нельзя не затронуть такой составляющей ее сегмент как сленг. Считается, что активно развиваться и пополняться студенческий сленг Великобритании и Америки начал в середине 19 века. Однако, можно предположить, что студенческий сленг существовал с первых дней средневековых университетов. Так, например, предположительно самым первым подобным словом было *lupi* (лат. «волки»); так называли «шпионов», которые докладывали руководству о студентах, которые вместо латинского говорили на родном языке.

Еще в 15 веке существовала, по крайней мере, одна, ставшая известной нам фраза, носящая негативный оттенок *ars lyke* (*arse lick*), которая по свидетельству одного из исследователей латинского языка имела значение “a naughty schoolboy’s graffiti” [4, 108-113].

Изучение студенческого сленга позволило нам выделить (создать иерархию) приоритеты современных студентов и старших школьников Великобритании. Такие предметы первой необходимости как еда (перекусить – *grazing*; празднование – *caning*) и одежда (брюки – *kegs*; непривлекательное нижнее белье – *shreddies*) находятся лишь на 12 и 13 месте соответственно из 15 выявленных нами категорий. На втором месте после алкоголя и наркотиков идут термины, связанные с высказыванием одобрения. Следующими по значимости идут слова, связанные с любовными отношениями, сексом и соответствующими частями тела. Такие фразы как “on the sniff”, “out trouting”, “chirpsing” и “sharking” все обозначают процесс охоты за партнером или флирт, в то время как такие слова как “lumbering” и *sopping off* означают, что процесс знакомства достиг своей цели [4, 108-113].

Трудность в изучении студенческого сленга заключается в том, что

обновляемость слов настолько высока, что до того как слово успеет зафиксироваться в словаре, оно может частично изменить значение или утратить актуальность и выйти из употребления.

Однако, картина студенческой жизни, вывод о которой можно сделать из исследования отчета о проведенном в Кингс Колледже исследовании, это практически полное равнодушие к самому процессу учебы (практически нет сленга, связанного с книгами, лекциями или библиотеками) и ярко выраженная преданность к гедонистическим вещам. Гораздо более связанной с учебой является школьный сленг, в нем наблюдается гораздо меньше слов с негативно окрашенной семантикой и больше слов, связанных с учебной деятельностью. Здесь также можно выделить огромные синонимические ряды. Например: - прогуливание уроков: (to) play truant, to play hookey - not to attend school, to skip school, to cut class, to pull a no-show ; -ученик, занимающийся подхалимством: apple-polisher – someone who tries to appeal to the teacher by excessive politeness, helpfulness, etc., 'brown-noser' (noun), teacher's pet - someone favoured by the teacher for being an all-A pupil or for extreme politeness, helpfulness and/or flattery; -ученик, пытающийся списать : copy-cat - pupil who copies test answers from someone sitting next to him or copies someone else's homework, crib, cheat-note, pony - a slip of paper on which the expected answers to exam questions are written and which is smuggled into the classroom [5, 13-14].

С лингвистической точки зрения в самом студенческом сленге нет ничего нестандартного или не соответствующего языковой норме. В сленге используются те же приемы, что и в поэзии – метафора, метонимия, рифма, аллитерация и другие.

Студенческий сленг зачастую пополняется за счет лексики, заимствованной из других профессиональных групп и жаргонов. К сожалению, очень много слов, вошедших в студенческий сленг, было взято из лексикона наркоманов, что в свою очередь отчасти свидетельствует о том, что именно этот слой населения является для определенной части студентов поведенческим ориентиром. Помимо этого, около 30% слов в студенческом сленге составляет

лексика, являющаяся табуизированной, относящаяся к сексу. Еще большая группа слов связана с употреблением алкоголя и вечеринками. Лексика, которая связана с учебным процессом, составляет в студенческом сленге лишь около 2-3%, тем не менее, это очень разнообразная по этимологии и структуре группа слов. Даже в такой относительно маленькой группе можно выделить большое количество жаргонных слов, разговорной лексики, слов, относящихся к коннотативной лексике, часто имеющих определенную стилевую окрашенность [5, 14].

Библиографический список

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1995. – 907 с. – ТСРЯ.
2. Большая советская энциклопедия, М.: «Советская энциклопедия», 1985
3. Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова, СП-б, «Наука», 1979
4. Алымова, Е.В. Реализация концепта «образование» в школьном и студенческом сленге англоязычной и российской лингвокультур / Е.В.Алымова // Вестник Костромского государственного университет им. Н.А. Некрасова, 2007. - №1. – С. 108-113.
5. Алымова Е.В. Образование в зеркале лингвокультурологии // Лингвокультурология. - Вып. 1. - Екатеринбург, 2007. - С. 5-16)
6. Алымова, Е.В. Семантическая составляющая концепта «образование» в англоязычной и российской лингвокультурах / Е.В.Алымова // Образование и наука: Известия Уральского отделения РАН. – Екатеринбург, 2007. – Приложение № 1 (5). – С. 123-130.

УДК 811

Билиневич Т.А. Сопоставление культурно значимых единиц русского и румынского кулинарных дискурсов (на материале именовании блюд и кулинарных паремий)

Билиневич Татьяна Александровна

Магистрант 2-ого курса

Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

РФ, г. Москва

Comparison of culturally significant units of Russian and Romanian culinary discourses (based on the materials of the naming of dishes and culinary paremias)

Bilinevich Tatiana Alexandrovna

2-nd year master student

Pushkin State Russian Language Institute

Аннотация. В статье рассматриваются культурно значимые единицы – наименования блюд и поговорки – русского и румынского кулинарного дискурса. Сопоставление проводится с опорой на знание истории народов и современного процесса глобализации, затронувшего эту важную для народов сферу.

Ключевые слова: румынский кулинарный дискурс, русский кулинарный дискурс, сходство и различия культур, сопоставление культурно значимых единиц.

Abstract. This article analyzes culturally significant units – names of dishes and proverbs – of Russian and Romanian culinary discourse. The comparison is based on the knowledge of the history of peoples and the current process of globalization, which affected this important area for the people.

Key words: Romanian culinary discourse, Russian culinary discourse, similarities and differences of cultures, comparison of culturally significant units.

Отсутствие единого определения для кулинарного дискурса, является внешней трудностью и не может быть помехой для стремительного развития этой области исследования. Наличие большого количества синонимов термина *кулинарный дискурс* только подтверждает большой интерес исследователей к этому явлению. Буркова П. П. использует термин *гастрономический дискурс* в работах, посвященных анализу особенностей текстов кулинарных рецептов [1]. О термине *глуттонический дискурс* говорит А. В. Олянич, рассматривая глуттонический дискурс как тип массово-информационного дискурса [4]. Термину *кулинарно-гастрономический дискурс* отдаёт предпочтение О. Г. Савельева в исследованиях лексико-семантических и когнитивно-прагматических аспектов концепта «еда» [6]. Причина такого разнообразия терминов определяющих дискурс питания в том, что в основе каждого термина лежат различные ключевые слова: гастрономия, кулинария и глуттония. Выбирая то или иное название, исследователи наполняют его определённым дискурсивным содержанием и жанрами, в которых эти содержания реализуются. Однако не всегда выбранное дискурсивное содержания жанра в полной мере соответствует изначальному понятию ключевого слова, служащего основой выбранной номинации дискурса [3]. В данном исследовании мы будем называть дискурс, связанный с одной из важнейших сфер человеческой жизни – питанием, кулинарным дискурсом.

В национальной кухне каждого народа отражаются те традиции, которые

с древнейших времён и до сегодняшнего дня сопровождают человека, принадлежащего к определённой культуре, в повседневной жизни и деятельности. Такие кулинарные реалии как *борщ*, *холодец*, *щи*, *студень* содержат в себе особые имплицитные смыслы, которые позволяют идентифицировать характер организации быта и климатические условия, в которых протекала жизнь народа. Без знания этих реалий невозможно формирование целостного представления о русской культуре. Наличие в традиционной русской кухни горячих жирных блюд обусловлено прежде всего климатическими условиями России, ведь именно жирная пища помогает организму сохранять тепло длительное время [6].

Формирование современной культуры питания румын связано с историческими и этническими особенностями данного народа. Румынская кухня относится к балканской. На сложившиеся вкусовые предпочтения румын оказывали влияние соседние империи и королевства, в разные исторические периоды это были и Римская империя, и Османская империя, и Венгерское королевство. Позже, примерно в то же время, как и в России (в конце XXVIII – начале XXIX веков), французская кухня заняла господствующее положение в мире и привнесла немалый вклад в кулинарную сферу Румынии и России.

Румынская и русская кухни содержат в себе заимствованные блюда, которые широко распространены и известны. Так, например, из турецкой кухни пришли такие общие для русской и румынской кухни блюда как: *шурпа* (*ciorbă*), *плов* (*pilaf*), *голубцы* (*sarmale*), *тефтели* (*chiftele*), *фаршированный перец* (*ardei umpluți*), *кебаб* (*chebar*), *пахлава* (*baklava*), *халва* (*halva*), *рахат-лукум* (*rahat dulce*), *кофе* (*cafea*), *пастрома* (*pastramă*).

В Румынии больше, чем в России, распространены такие турецкие по происхождению блюда как: *имам-баялды* (*imat-bayildi*), *мусака* (*musaca*), *яхния* (*yahni*) и алкогольный напиток *ракия* (*rakia*).

Общими являются следующие заимствования из английской и американской кухни: *гамбургер* (*hamburger*), *сэндвич* (*sandwich*), *бифштекс* (*biftec*), *ростбиф* (*rosbif*), *хот-дог* (*hot dog*), *снэк* (*snacks*).

Из французской кухни: *бисквит (biscuit), бриошь (brioșă), желе (jeleu), эклер (ecler), мармелад (marmeladă), нуга (nuga), пралине (pralină), профитроль (profiterol), шарлотка (șarlotă), омлет (omletă), пюре (piure), суфле (sufleu), тартар (tartar).*

Из немецкой кухни были заимствованы: *марципан (marțipan), штрудель (ștrudel), шницель (șnițel).*

Из итальянской пришли такие известные блюда как: *лазанья (lazane), ризотто (rizoto), спагетти (spaghete), каннелони (cannelloni), купучино (cappuccino), моцарелла (mozzarella), равиоли (ravioli), тортеллини (tortellini), пицца (pizza), руккола (ruccola).*

Из испанской кухни: *паэлья (paella), гаспачо (gazpacho), эмпанада (empanada), косидо (cocido), хамон (jamon), тортилья (tortilla).*

На румынскую культуру питания в большей степени, чем на русскую оказала влияние венгерская кухня: *фришка (frișcă), гуляш (gulaș), паприкаш (paprikaș), токана (tocană), добош (doboș), алкогольный напиток палинка (palină) – эти блюда настолько прочно вошли в румынскую культуру, что воспринимаются уже не как заимствованные, а как традиционные.*

В настоящее время культура питания румын представляет собой сложное явление. Румынский кулинарный дискурс непрерывно пополняется новыми названиями блюд и заведений общественного питания, наименованиями способов приготовления пищи и вкусовых характеристик. Современный кулинарный дискурс России и Румынии имеет общие черты, связанные с такими культурными процессом как глобализация и интеграция.

Появление молекулярной кухни, кухни фьюжн, популярность ресторанов с авторской кухней отражается в языке, привнося, вместе с новыми ингредиентами, способами приготовления пищи, новые языковые и речевые единицы. Распространение фаст-фуд ресторанов (*McDonald's, KFS, Burger King, ресторан Ikea*) в России и Румынии говорит о тенденции нивелирования национальных особенностей культуры питания, о неразграничении своей национальной культуры и чужой. Тем не менее, несмотря на явно выраженный

процесс доминирования фаст-фуда, в Румынии и Молдавии существует сеть ресторанов традиционной кухни «*La Plăcintă*». Эти рестораны популярны наравне с фаст-фудом. Название происходит от традиционного румынского пирога – *плачинты*. Это традиционный пирог из тонкого слоеного теста с разными начинками: яблоками, брынзой, капустой, картофелем, шпинатом и сыром и другой начинкой. *Ușor e a zice plăcintă, dar e mult răună a o face* . *Легко сказать плачинта, но трудно сделать* гласит румынская поговорка.

Различия между русской и румынской культурой питания, которые существенны для понимания современных кулинарных дискурсов русского и румынского языков прежде всего сосредоточены в традиционной пище. Как было сказано выше, именно традиционная пища отражает древнейшие традиции народа, связанные с географическим положением, климатическими условиями и традиционным родом деятельности. Так, традиционной пищей русских считается каша. По мнению кулинарного историка В. В. Похлебкина в древнерусской кухне большое внимание уделялось злаковым культурам, из которых готовили кашу. Использовали такие злаковые культуры как пшеница, ячмень, овёс и гречиха, о чём свидетельствуют трапезные монастырские книги, а также «Домострой» XVI века [5,101].

Нельзя представить русскую кухню и без хлеба. Хлеб для русского человека – это не только еда, это символ благополучия. В «Словаре русской культуры» Степанова Ю. С. есть словарная статья посвященная хлебу, как культурно значимой единице – константе [7].

Если в России кашу готовят из разных злаковых культур, то в Румынии есть только *мамалыга* – каша из кукурузной муки или крупы. Мамалыга так же как и хлеб, несёт в себе не только материальное значение как повседневная пища румын, но и символизирует безбедную жизнь, достаток. Народная мудрость гласит: *vai, vai, vai, de cine n-are mălai* (*плохо тому, у кого нет малай (мамалыги)*), *țin-te tare, cât ai mălai în căldare* (*будь решительным, пока у тебя есть малай в кастрюле*).

В России говорят о человеке, который невнятно и нечетко говорит, что у

него *каша во рту*, а в Румынии говорят, что у него *мамалыга во рту* (parcă e cu mămăliga-n gură).

Древний род деятельности румын – разведение и выпас овец и приготовление брынзы из овечьего молока. В румынском языке есть слово *cașcaval* для обозначения жёлтого сыра твёрдых сортов и отдельное название для белого сыра – *brânză*. Брынза – это традиционный румынский сыр. Он обязательно присутствует в качестве закуски на праздничном столе румын. Само же слово закуска (*zacusca*) тоже есть в румынском языке, однако оно обозначает только одно блюдо из баклажан (баклажановую икру), в то время как в понимании носителя русского языка закуска – это набор из разных маленьких блюд, которые подаются перед основными блюдами.

Культурно значимые, важные единицы языка исследованы нами также в паремиях. Нами были проанализированы румынские паремии с семантикой ‘питание’ из сборника пословиц и изречений Robea [8].

Из 90 пословиц и фразеологических высказываний, содержащих общие названия пищи, названия компонентов еды, а также глаголов связанных с питанием, наибольшее количество – 16 пословиц – это пословицы с глаголами питания и питья. 14 пословиц с компонентом «хлеб». На втором месте пословицы с компонентом «мамалыга» – 12. С компонентами «рыба» и «вино» по 7 устойчивых высказываний. По 4 пословицы с компонентами «молочные продукты» и «свинина». По 3- высказывания с компонентами «мука», «суп», «плачинта». По 2 пословицы с компонентами «грибы», «соль» и «мёд».

Единожды упомянуты следующие компоненты питания: *борщ, мята, фасоль, йогурт, огурец, брага, лук, арбуз, горчица, крендель и сало*. Среди румынских фразеологических высказываний есть эквивалентные русским: *A ieși în fața cuiva cu pâine și sare* – встречать кого-то хлебом и солью; *sa ciupercile dură ploaie* – как грибы после дождя.

Есть частичные аналоги: *se vinde sa pâinea caldă* – продаётся как горячий хлеб, *продаётся как горячие пирожки*; *a trece sa gâsca prin apă* (пройти как гусь через воду) – как с гуся вода; *parcă e cu mămăliga-n gură* (как-будто у него

мамалыга во рту) – *каша во рту*.

Есть оригинальные румынские фразеологические высказывания, отражающие культурную специфику румынского народа, содержащие в себе такие семантически значимые лексические единицы кулинарного дискурса как: вино, рыба, мамалыга (малай), плачинта, брынза. Frate, frate, dar brânza-i cu bani (Брат-братом, но за брынзу плати), – скажут в Румынии о человеке, который хочет сэкономить за счет другого; la plăcinte – înainte și la război – înapoi (к плачинте – вперёд, к войне – назад) – говорят о том, кто, если что-то хорошее происходит (а плачинта – это символ богатства, достатка), то соглашается, а если что-то плохое, опасное, то отступает.

Выращивание винограда и производство вина издавна играет важную роль в жизни румын. Именно поэтому встречаются многочисленные поговорки с компонентом ‘вино’, в которых осуждается пристрастие к алкоголю, но присутствует побуждение к умеренному употреблению этого напитка: să bei vinul, dar să nu te bea (пей вино, но не дай ему тебя пить), vinu-i dulce, dar te aduce (вино сладкое, но оно тебя уносит), vinul nu se face apă (вино не превращается в воду).

В собрании русских пословиц и поговорок В. И. Даля зафиксировано 121 поговорка о хлебе, 32 – с компонентом ‘каша’, 28 – с компонентом ‘щи’ 25 – с компонентом ‘пирог’, 12 – с компонентом ‘блин’. Наличие многочисленных фразеологических высказываний о хлебе, каше, пирогах, блинах и традиционном супе русской кухни из кислой капусты подтверждает большую степень значимости этих блюд для русского народа, его истории и культуры, а также свидетельствует о национальной идентичности русских.

Сравнив кулинарные дискурсы в румынском и русском языках, можно сделать вывод о том, что в современной ситуации интеграции и глобализации, параллельно обогащающиеся культуры этих стран, приобретают много общего. Вместе с этим заметен обратный процесс: сохранение традиционного, идентичного в румынской и русской культурах питания.

Изучение кулинарного дискурса в румынском языке, установление

языковых параллелей с русским, даёт возможность в полном объеме понять значимость кулинарного дискурса в языке, его природу и тенденции развития.

Кроме того, знание специфики румынского кулинарного дискурса и схожих черт с русским существенно для преподавания РКИ в России и за рубежом. Оно необходимо для эффективного обучения румынских студентов разных уровней владения русским языком жанрам русского кулинарного дискурса.

Библиографический список

1. Буркова П. П. Кулинарный рецепт как особый тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; 10.02.01/ П. П. Буркова. – Ставрополь, 2004. – 29 с.
2. Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа / В. И. Даль. – Москва: Эксмо, 2008. – 889 с.
3. Кацунова Н.Н. К вопросу о «Синонимизации» дискурсов// Вестник ИГЛУ. 2012. № 2 (19). С.187-192
4. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография/ А. В. Олянич – М.: Гнозис, 2007. – 407с.
5. Похлебкин, В.В. Национальные кухни наших народов (Основные кулинарные направления, их история и особенности. Рецепттура) / В.В. Похлебкин. – М.: Легкая и пищевая промышленность, 1983. – 304с.
6. Савельева О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантические и когнитивно-прагматические аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19/ О.Г. Савельева. – Краснодар, 2006. – 270 с.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры Ю.С.Степанов. – М.: Академический Проект, 2004. – 992с.
8. Robea Mihail M. Proverbe și zicători. Ghicitori. București, 1998 – 160 с.

УДК 81-26

Дарбишева Х.А., Аликулиева Д.Р. Способы перевода названий фильмов с английского на русский язык

Дарбишева Хадижат Асхабалиевна

канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии
Дагестанский государственный университет
РФ, Махачкала

Аликулиева Дагмара Рамидиновна

студент
Факультета иностранных языков
Дагестанский государственный университет
РФ, Махачкала

The ways of translation of movie titles from English into Russian language

Darbishewa Khadizat Askhabalievna
candidate of science, assistant professor of
Department of English Chair
Dagestan State University

Alikulieva Dagmara Ramidinovna
student
Dagestan State University

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные способы перевода названий фильмов с английского на русский язык на примере 165 кинофильмов, вышедших в прокат в 2016 году, и определенные закономерности в выборе тех или иных методов перевода.

Ключевые слова: жанровая адаптация, калькирование, транслитерация, замена.

Abstract. This article discusses the different ways of translation of movie titles from English into the Russian language on the example of the 165 films released in 2016, and certain regularities in the choice of those or other methods of transfer.

Keywords: genre adaptation, calques, transliterations, replacement.

В наше время кинематограф является очень важной формой искусства. Фильмы отражают нашу жизнь, культуру, мир и наше мировоззрение. Фильмы развлекают, обучают и вдохновляют зрителя.

Ежегодно в кинопрокат любой страны попадает огромное количество фильмов иностранного производства, которые требуют качественного перевода и адаптации для зрителей. Соответственно перевод кинофильмов имеет свою специфику. При переводе важно учитывать различие культур и картин мира создателей фильма и зрителя переводной версии фильма. Название фильма также очень важно, так как оно ставит своей задачей охарактеризовать в общих чертах всю картину, используя при этом слово, словосочетание или предложение. Разумеется, если фильм дошел до нас из-за границы, то его название должно быть переведено таким образом, чтобы донести общий смысл фильма иностранному зрителю. Название фильма может также в определенной мере повлиять на количество сборов в той или иной стране.

При переводе названий фильмов зачастую возникают следующие

вопросы: адаптировать ли названия фильмов под менталитет конкретной страны или придерживаться дословного перевода; может ли переводчик исказить суть названия, привнося свой смысл и т.д. Чтобы перевести названия фильмов для нашей аудитории переводчик должен иметь богатую фантазию.

Российские переводчики прибегают к ряду методов при переводе названий фильмов:

1. Калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей их лексическими соответствиями в ПЯ [3, с. 78]. В основном, такому методу подвергаются названия фильмов, где отсутствуют непередаваемые инокультурные компоненты и нет конфликта формы и содержания. (*“Hell or high water”* – *“Любой ценой”* – в данном случае применяется не просто дословное калькирование, а калькирование идиомы, что встречается очень редко в данной практике. Идиома в оригинале имеет несколько различных эквивалентов в русском языке, например такие эквиваленты как: “будь что будет”, “во что бы то ни стало”, “вопреки всему”, но выбран был вариант “Любой ценой”, так как он максимально подходит по тону и смыслу кинокартины. Метод калькирования очень часто используется, если в названии всего одно слово, e.g. *“Silence”* – *“Молчание”*, *“Storks”* – *“Аисты”*, *“Arrival”* – *“Прибытие”*, *“Passengers”* – *“Пассажиры”*, *“Trolls”* – *“Тролли”* и т.д.) Перевод подобных названий не вызывает каких-либо затруднений и в полной мере отображает суть фильма.

Всего, по итогам подсчетов, метод калькирования встретился при переводах названий фильмов в 2016 году 89 раз из 165 примеров, что составляет подавляющие 54% из общего числа.

2. Транслитерация и транскрипция – воспроизведение по буквам и звукам. Подобный способ применяется при переводе названий фильмов, содержащих в себе имена собственные (имя главного героя, географическое название и т.д.). *“Moana”* – *“Моана”*, *“Doctor Strange”* – *“Доктор Стрэндж”* (транслитерация + калькирование), *“Jackie”* – *“Джеки”*, *“Paterson”* – *“Патерсон”*, *“Ben-Hur”* – *“Бен Гур”*, *“Florence Foster Jenkins”* – *“Флоренс*

Фостер Дженкинс”.

“*Split*” – “*Сплит*” – этот психологический триллер, вышедший в свет в 2016 году, в российском прокате получил вполне простое название, полученное с помощью транслитерации. Можно поспорить, что прямой перевод такого названия был бы не менее уместным и идеально описывал бы суть фильма, однако использование транслитерации подарило нам интересное и интригующее название, которое запомнилось всем киноманам в этом году.

Этот метод был использован при переводе 27 фильмов, т.е. 16% от общего числа рассмотренных примеров.

3. Замена. Данный способ перевода является наиболее сложным, так как при неправильном переводе может вызвать критику от зрителей. Замена – наиболее распространенный и многообразный вид переводческих трансформаций.

Можно привести множество интересных примеров, один из которых – перевод названия фильма “*Sully*”, в качестве этого названия послужила кличка главного персонажа фильма капитана рейса 1549 Челси Салленгбергера, который совершил аварийную посадку и спас жизни 155 человек. Фильм основан на реальных событиях, произошедших в 2009 году в Нью-Йорке. Эти события получили в СМИ название “*Чудо на Гудзоне*” (англ. *Miracle on the Hudson*). Замена в переводе этого названия была произведена, так как русский вариант полнее описывает суть фильма.

“*Colossal*” – “*Моя девушка - монстр*” – этот пример перевода можно отнести к неудачным адаптациям, так как это название совсем не передает сути фильма и даже может ввести в заблуждение в вопросе жанра фильма. Сам фильм относится к жанрам фантастики и триллера. Однако название фильма указывает на жанр комедии. Такая же грубая ошибка была допущена при переводе названия фильма-драмы 2012 года “*Silver Linings Playbook*” – “*Мой парень - псих*”.

Очень часто переводчики прибегают к использованию метода замены при переводе названий фильмов, относящихся к жанру комедии, если

оригинальный вариант не отражает комедийного аспекта фильма. Например: “Ozzy” – “Большой собачий побег”, “Almost Christmas” – “Рождество Мэйерсов”, “Zoolander 2” – “Образцовый самец” и т.п.

Метод замены наблюдается в переводе названий 49 кинокартин 2016 года, что составляет 30% из 100.

4. Добавление слов обуславливается намерением переводчика донести до зрителя некоторую дополнительную информацию.

Проведенное исследование показало, что в большинстве случаев добавление используется для идентификации жанра фильма (жанровая адаптация). Чаще всего это низкобюджетные фильмы, относящиеся к жанру ужасов, иногда комедии (комедиям более присущи замены). Ужасы: “31” – “31: Праздник смерти”, “Blair Witch” – “Ведьма из Блэр: новая глава” (оригинальный вариант названия не показывал то, что это продолжение уже начатой истории, поэтому российские переводчики решили уяснить эту деталь), “Abattoir” – “Абатуар. Лабиринт страха”, “The forest” – “Лес призраков”, “13 hours” – “13 часов: Тайные солдаты Бенгази”.

Метод перевода названий фильмов добавление встречается довольно редко на практике, всего лишь в 11 фильмах - 7% из 165 рассмотренных примеров.

5. Опускание используется переводчиками, если в оригинальном варианте

названия присутствуют лишние элементы, которые не важны в описании жанра или смысла фильма.

“10 Cloverfield Lane” – “Кloverфилд, 10” – опускание слова lane (улочка) кажется оправданным и никак не искажает суть фильма.

“Teenage Mutant Ninja Turtles: Out of the Shadow” – “Черепашки-ниндзя 2” – в данном случае, так же как и в случае с Бриджит Джонс, эта франшиза знакома практически всем в нашей стране и не нуждается в дополнительной в рекламе. Поэтому применение опускания здесь вполне уместно. Название звучит ярче и понятнее.

Метод опущения составляет всего 5% из 165 примеров и был использован при переводе 8 фильмов за весь прошедший год.

Подсчеты проведенного анализа показали, что наиболее используемым методом при переводе является метод калькирования, который составил 54% из общего числа проанализированных кинокартин. Этот метод довольно часто совмещается с методом транслитерации. Несколько реже использовался прием замены, встретившийся при переводе 49 фильмов, что составило 30% из общего количества примеров.

Другие методы перевода названий фильмов: транслитерация и транскрипция, добавление и опущение, встречаются намного реже, но они являются не менее важными при определении специфики перевода названий фильмов. От того, насколько правильно и умело переводчик использует и совмещает эти методы перевода, будет зависеть понимание текста перевода, какое воздействие на аудиторию будет иметь переводной вариант.

Библиографический список

1. Гайдук В.П. «Тихий» перевод кино // Тетради переводчика. №15. 2008.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2007.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М., 2008.
4. Латышев, Л.К. Технология перевода. М., 2007.
5. Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода: Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. М., 2008.
6. Паршин А.А. Теория и практика перевода. СГУ., 2008.
7. Райс К. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 2010.
8. Афиша. URL: <https://www.afisha.ru/movie/y2016/>.
9. Бюро переводов "Лондон-Москва". URL: <http://london-moscow.ru/>.
10. Кинопортал фильм.ру. Как локализируют названия фильмов в России. URL: <https://www.film.ru/>.

УДК 81.253

Джабраилова В.С., Гоборова Е.В. Прецедентные русскоязычные высказывания в аспекте устного перевода на английский язык**Джабраилова Валида Саидовна**

канд.филол.наук, доцент кафедры романо-германских языков
Московский государственный гуманитарно-экономический университет
РФ, г. Москва

Гоборова Екатерина Владимировна

студентка факультета иностранных языков,
Московский государственный гуманитарно-экономический университет
РФ, г. Москва

On peculiarities of Russian precedent statements when interpreted into English**Dzhabrailova Valida Saidovna**

candidate of Science, associate professor
of Romano-Germanic languages department
Moscow State University of Humanities and Economics
Russia, Moscow

Goborova Ekaterina Vladimirovna

graduate student
of Foreign languages department
Moscow State University of Humanities and Economics
Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматриваются русскоязычные прецедентные высказывания как проблема устного перевода на английский язык, разграничиваются понятия прецедентных феномена, текста, ситуации и высказывания, выделяя их отличительные характеристики. Авторы приходят к выводу, что прецедентные высказывания представляют особую сложность для устного перевода, прежде всего из-за трудности интерпретации текста оригинала и потери образности высказывания при переводе.

Ключевые слова: прецедент, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентный феномен, цитата, «крылатые слова», пословицы и поговорки, фразеологические единицы, единица дискурса.

Abstract. The article deals with the peculiarities of Russian precedent statements when interpreted into English, the notions of a precedent phenomenon, precedent text, precedent situation and precedent statement are differentiated. The authors conclude that precedent statements are mostly misinterpreted due to improper understanding of the original speech intention and failure of image transfer.

Keywords: precedent, precedent text, precedent statement, precedent phenomenon, quote, proverbial expression, proverbs and sayings, phraseological units, discourse entity.

В современной лингвистической литературе отдельное место занимает относительно новый феномен - прецедентный текст. Так как это понятие недавно появилось в лингвистике, не существует единого подхода к его определению и выделению общих черт. Ученые –лингвисты сходятся лишь в одном - явление проникает во все сферы жизни современного человека.

С введением этого понятия в науку начал разрабатываться понятийный круг, разновидности и классификации. В данной статье мы проанализируем само понятие прецедентного высказывания, а также попробуем рассмотреть, как данное понятие функционирует в речи, в процессе перевода, если вообще принимает там участие, а также определим особенности его употребления.

Для рассмотрения прецедентного высказывания, нужно определить само понятие прецедента как такового: «прецедент [< лат. *praecedens (praecedentis)* идущий впереди, предшествующий] – 1) случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующий случаев подобного рода; 2) юр. Решение суда или какого-либо другого государственного органа, вынесенное по конкретному делу и обязательное при решении аналогичных дел в последующем». Нам показалось актуальным перевести понятие «прецедент» [8] с английского языка, так как в языковой паре, которую мы рассматриваем, есть английский язык: «прецедент – 1) действие или официальное решение, которое может предоставить юридическую поддержку для последующих случаев или решений; 2) случай, имевший ранее место или то, что существовало раньше»[6].

Это помогает нам проанализировать и вывести оптимальный круг смысла, который очерчивает это понятие как лингвистический феномен. Прецедентные феномены составляют мыслительную базу, представляя собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на отдельно взятом языке. «Прецедентный феномен хорошо известен всем представителям, поскольку последние, как минимум, знают о его существовании и имеют некий общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса, национально-детерминированный, минимизированный инвариант

его восприятия» [4, с.170].

Одной из главных отличительных характеристик прецедентных феноменов «является их способность 1) исполнять роль эталона культуры; 2) функционировать как свернутая метафора; 3) выступать как символ какого-то феномена или ситуации (взятых за совокупность некоторого набора дифференциальных признаков» [4, с. 171].

Прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными: «к первым относятся разнообразные вербальные единицы, тексты как продукты речевой деятельности, ко вторым – произведения живописи, архитектуры, музыкальные произведения» [4, с. 46].

Ю.Н. Караулов говорит о следующих уровнях проявления прецедентных феноменов:

1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях;

2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников;

3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [2, с. 216].

Прецедентные феномены подразделяются на разновидности, условия перехода одного в другой еще не определены достаточно четко, поэтому можно наблюдать переход одного феномена в другой и наоборот. Прецедентный текст (далее ПТ) - “законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу;” хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества. Обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (например, "Евгений Онегин", "Бородино"), тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты и

т.д. [3].

Прецедентная ситуация (далее ПС) - некая, “идеальная” ситуация, связанная с набором характерных определений; “означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя” [3].

Прецедентное высказывание (далее ПВ) “репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной (то есть не относящийся к сказуемому)”. ПВ неоднократно воспроизводится в речи представителей носителей языка. К прецедентным высказываниям принято относить: 1) собственно цитаты ("Не спится, няня!", "Кто виноват?" и "Что делать?", "Вот он какой!"); 2) название произведения и/или автора, и/или персонажей; 3) полное воспроизведение текста, представленное одним или несколькими высказываниями» [1, с. 107]; 4) «крылатые слова», т.е. «вошедшие в нашу речь из литературных источников краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц», фразеологические единицы [9]; 5) пословицы (например, "Тише едешь - дальше будешь") и поговорки [3]; 6) кинофильмы и телесериалы, ставшие знаковыми для определенной культуры [7].

Прецедентное высказывание, в отличие от других прецедентных феноменов, имеет свою особую структуру, однако это не противоречит общей концепции прецедентных феноменов. При функционировании ПВ важным оказывается не только понимание его значения, но и знание экстралингвистических, когнитивных факторов, стоящих за данной единицей, так как ПВ характеризуется наличием потенциала создания экспрессивности образа. Структура ПВ имеет следующий вид: 1) поверхностное значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания; 2) глубинное значение, которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексикограмматическую структуру; 3) системный смысл, представляющий собой «сумму» глубинного значения высказывания (при наличии такового) и знания прецедентного феномена

(текста, ситуации) и связанных с последним коннотаций [4].

В функционировании прецедентных феноменов в лингвокультуре можно выделить два основных этапа. К первому этапу относится появление определенной единицы, в виде текстов, имен, высказываний и закрепление ее, с последующими частыми обращениями к ней носителей данного языка и культуры. Иными словами, текст или имя становятся элементами мыслительной базы среднего представителя лингвокультуры. На этом этапе, который можно назвать собственно прецедентным, явление будет выступать в качестве единицы дискурса.

На втором этапе существования прецедентного явления в лингвокультуре, который условно можно определить как фразеологизацию прецедентного феномена, происходит вхождение данной единицы в состав фразеологии. Прецедентные феномены, употребляющиеся наиболее часто, становятся идиомами, сохраняя свою прецедентную природу. Таким образом, можно сказать, что прецедентные феномены могут являться не только единицами дискурса, но и единицами языка.

Между прецедентными феноменами нет жестких границ. Например, ПВ, отрываясь от своего ПТ, может становиться автономным и само переходить в разряд ПТ, т.е. ПТ может восходить к ПВ по значению («Как хороши, как свежи были розы», «Счастливые часов не наблюдают»).

Выявление ПВ в речи протекает по тем же закономерностям, что и любой другой вид восприятия. Оно представляет собой рецепцию слышимых или зрительно воспринимаемых элементов языка, установление их взаимосвязи и формирование представления об их значении. При этом процесс восприятия имеет два этапа. Первый связан с собственно восприятием, второй - интерпретация высказывания. Но стоит заметить, что в исследованиях Караулова Ю.Н. вычленение ПВ из потока речи или из текста представляет собой комплексный процесс, факторы определяющие уровень восприятия ПВ по Караулову Ю.Н.: «степень знакомства с тем или иным прецедентным высказыванием, наличием / отсутствием фоновых знаний; специфика самого

прецедентного знака: характер его употребления (афористическим / фразеологическим), связью (или ее отсутствием) с текстом-источником, особенностью произведенных трансформаций, лексическим составом” [2].

Так как процесс “узнавания” ПВ иногда вызывает затруднение у носителя определенного языка, это может отражаться и на качестве перевода. Нами были рассмотрены материалы десятого юбилейного заседания международного дискуссионного Валдайского Клуба, представляющего собой уникальное объединение ведущих зарубежных и российских экспертов в области истории, политологии, экономики и международных отношений. В процессе изучения спонтанной речи русскоязычных ораторов и ее перевода на английский язык, выполненный синхронно переводчиками канала Валдайского Клуба, мы выделили для анализа ряд примеров ПВ, что позволило сделать некоторые обобщающие выводы. Приведем некоторые примеры:

1. “Чтобы быть понятным и понятым нужно начать разговаривать” - “In order to be understood a person need to start talking”. Собственно цитата, при переводе которой нет необходимости воспроизводить форму цитаты оригинала, поскольку сохраняется интенция автора. Перевод можно считать адекватным.

2. “Те красные линии, за которые никому нельзя заходить” - “The red lines which shouldn't been crossed.” Словарь под редакцией Мерриам Вебстер дает следующее определение фразеологической единице «to cross the red lines»: “пересечь красную линию” - достичь точки невозврата. Согласно этому, перевод можно считать адекватным. В контексте речь идет о тех устоях, которые укоренились в русской идентичности и не поддаются сомнению [10]. Перевод можно считать адекватным.

3. “Мировая политика разыгрывалась на рояле в четыре руки - Путин и Обама.” - “Global policy to be played by two (four, two) hands, by the USA and Russia.” В данном примере представлен окказиональный вариант фразеологизма “сыграть как по нотам” [5]., перевод, на наш взгляд не передает образность оригинала, кроме того, в языке перевода отсутствует устойчивое выражение «to play by two hands», поэтому данный перевод считать адекватным

нельзя.

4. “Послать ответную шайбу” - перевод отсутствует. Данный пример ПВ представлен окказиональным вариантом фразеологизма “нанести ответный удар”. Переводчик не справился с задачей.

5. “Худшей формы правления нет, лучшей тоже” - “It`s the worst way of ruling, but it`s also the best.” При переводе допущены ошибки на уровне смысловой передачи содержания, поэтому считать его адекватным мы не можем.

6. “Почивать на лаврах” [5]. - “To sleep on the laurels”. Данный пример имеет эквивалент в английском языке “to rest on one`s laurels” и при переводе допущены ошибки, поэтому перевод считать адекватным нельзя.

7. “И пальцем не тронуть” [5]- “Not touch someone with a finger”. При переводе данного примера использовалась калька, что является ошибкой, потому как в английском языке есть эквивалентная ФЕ “not to hurt a fly”, перевод неадекватный.

8. “Отношения России и Европы как отношения икры и водки, но это ведь продукты российского происхождения” - “The relations of Russia and Europe is like vodka and cavier, but vodka and cavier are both russians products.” В данном примере используется аллюзия, создающая образность, переводчик сохраняет эффект, оказываемый оригиналом, поэтому перевод считаем адекватным.

9. “Все хорошо прекрасная Маркиза, за исключением пустяка” - “Everything is bad.” В данном примере неточно передана содержательная составляющая: “что бы ни говорили о положительных сдвигах в демократизации российского общества, ситуация не имеет положительного исхода”. Также в процессе перевода потеряна образность, поэтому перевод считаем неадекватным.

10. “Зло должно быть наказано.” - “Evil is to be punished.” В данном примере ПВ содержится аллюзия на фольклорный компонент, в англоязычной лингвокультуре также присутствует подобный концепт “evil”. Перевод можно считать адекватным, так как за счет передачи денотативной части

высказывания, сохраняется полнота образности ПВ.

Таким образом, при исследовании проблемы прецедентных высказываний в устной речи и их передачи в условиях устного перевода, на наш взгляд, ПВ следует рассматривать с точки зрения разных аспектов:

1. Семантический аспект: ПВ выступает своего рода символом, несущим некоторый смысл, зачастую шире и больше формы, в которую он облачен, а также отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания;

2. Когнитивный аспект, который кроется в самом определении ПВ; они хранятся в памяти в виде когнитивных структур инварианта восприятия и являются неотъемлемой частью картины мира представителя определенного языка.

3. Функциональный аспект, который реализуется во время употребления ПВ в процессе коммуникации. Смысл символа, заключенного в ПВ актуализируется именно в речи.

Исходя из анализа вычлененных ПВ следует, что не каждое ПВ может быть символом другого прецедентного феномена. ПВ выступает зачастую как символ, усиливая семантико-когнитивный фон, и употребление данного ПФ является простейшим способом указать на аналогию ситуаций и эксплицировать оценку первым. Если ПВ не создают образ, то их употребление мотивируется целью украшения речи и является эмоциональной, дополнительной аргументацией в пользу занимаемой позиции автора. В процессе перевода наблюдается трудность в интерпретации текста с сохранением образа. Наиболее сложную для перевода разновидность ПВ представляют окказиональные варианты фразеологизмов, так как зачастую не сохраняется образность, а также цитаты, но здесь проявляется трудность в раскрытии содержательной стороны ПВ. Мы считаем, что трудность интерпретации ПВ в условиях устного синхронного перевода заключается в ограниченности времени, а также отсутствии отсылок на источник. По сравнению с письменным переводом, где у переводчика есть необходимое количество времени и ресурсов, устный переводчик вынужден полагаться на

имеющийся контекст и свои фоновые знания, с учетом ограниченного времени на размышления.

Библиографический список

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. - М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. - 288 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987. - 263 с.
3. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. Вестник МГУ. Сер.9. 1997.-№3. С.62-75.
4. Красных В.В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? - М.: ИТДК "Гнозис", 2003. - 375 с.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка. — М.: Астрель, АСТ. А. И. Фёдоров. 2008. - 828 с.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. - Publisher: Addison-Wesley Longman Ltd., 1987 - 1318 p.
7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. - Oxford, 2002. - 1335 p.
8. Прецедент. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/28959/%D0%9F%D0%A0%D0%95%D0%A6%D0%95%D0%94%D0%95%D0%9D%D0%A2 (дата обращения: 14.11.2017.)
9. Фразеологизмы как источник прецедентных текстов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/35_OINBG_2010/Philologia/75702.doc.htm (дата обращения: 02.12.2017.).
10. Red line. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 02.12.2017.).

Киреева Я.И. Особенности репрезентации статичного и динамичного пространства в художественном произведении У. Фолкнера «The Hamlet»

Киреева Яна Игоревна

Ассистент кафедры иностранных языков
Белгородский Государственный национальный исследовательский университет
РФ, г.Белгород

Special aspects of static and dynamic space in W. Faulkner's novel «The Hamlet»

Kireeva Yana Igorevna

Teaching assistant of the department of foreign languages
Belgorod National Research University
Russian Federation, Belgorod

Аннотация. В статье рассматривается статичное и динамичное художественное пространство. Установлено, что среди номинантов статичного

пространства низкочастотны номинанты, репрезентирующие нахождение героев в его пределах. Выявлено, что среди номинантов динамического художественного пространства высокочастотны репрезентанты передвижения героев и их взаимодействие с предметами.

Ключевые слова: художественное произведение, художественное пространство, статичное пространство, динамичное пространство, номинант.

Abstract. The article deals with static and dynamic literary space. It is determined that the static space nominees representing the location of characters within its limits are low-frequency nominees. It was revealed that the nominees of a dynamic literary space are high-frequency representatives of the character's movement and their interaction with objects.

Key words: novel, literary space, static space, dynamic space, nominee.

В центре нашего исследования стоит художественное пространство. Оно является своего рода отражением реального пространства, на основе которого оно строится. Художественное пространство всегда различно, так как не существует какой-то единой установленной модели художественного мира. Не существует и какого-то единого представления о художественном пространстве. По данным краткого энциклопедического словаря, «пространство – одна из главных основ любого знания о мире, т.к. взаимодействие человека друг с другом и с предметами в пространстве в системе координат, в центре которой находится человек» [1].

Изучая пространственные отношения отдельно взятого художественного произведения, важно помнить, что здесь немаловажную роль играют такие факторы как эпоха, страна, окружающая среда места действий и культура.

По мнению П.А. Флоренского «вся культура может быть истолкована как деятельность по организации пространства» [8, с. 112].

Пространство текста – важнейшая характеристика художественного произведения, организующая композицию всего произведения и обеспечивающая его восприятие читателем. Внутреннее единство всего художественного мира произведения, его связь между номинантами, позволяет читателю глубже изучить особенности пространственной связи в произведении.

Пространство понимается лингвистами как такой концепт, который включает в себя и человека, и «то, что он осознает вокруг себя, то, что видит

простирающимся перед ним. Пространство – это среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается» [2, с. 4].

Понимание «пространства текста» предоставляет читателю возможность представить текст как целостную систему, в которой можно обнаружить структурные связи, которые позволяют осознать смысл, заложенный в тексте. По мнению Н.А. Николиной «пространство, моделируемое в тексте может быть открытым или замкнутым, конкретным или абстрактным, реальным или воображаемым а также расширяющимся или сужающимся» [5, с. 256].

В изучении художественного пространства немаловажную роль играют и предметы, окружающие героев, вещи, обстановка и природа. По мнению В.Н. Топорова, именно вещи играют значимую роль в организации пространства: «...вещи не только конституируют пространство, через задание его границ, отделяющих пространство от не-пространства, но и организуют его структурно, придавая ему значимость и значение (семантическое обживание пространства)» [7, с. 239].

Вопрос осмысления пространства и его реализации как важнейших категорий восприятия мира человеком в языковой картине мира привлекает многих лингвистов. По мнению Ю. Лотмана «следствием представлений о художественном произведении как о некотором образом отграниченном пространстве, отображающем в своей конечности бесконечный объект – внешний по отношению к произведению мир, является внимание к проблеме художественного пространства» [3, с. 14].

В художественном пространстве мы можем наблюдать особые отношения. Пространственные отношения обусловлены множеством номинантов, репрезентирующих концепт «пространство». Эти номинанты именуется в лингвистике проксемами. Под проксемами, вслед за Е.А. Огневой, мы понимаем «понимаются языковые структуры, репрезентирующие пространственные параметры, пространственные представления этноса, зафиксированные в языке и являющиеся когнитивными текстовыми скрепами в архитектонике динамичных когнитивных структур (сцена, сценарий),

статичных когнитивных структур (фрейм), статично-динамичных когнитивных структур (когнитивная карта) концептосферы художественного текста» [4, с. 104].

Подобные пространственные отношения занимают отдельное место в изучении всего художественного пространства. По мнению О.Н. Селиверстовой, изучение средств выражения пространства и пространственных отношений «позволяет выявить закономерности пространственного восприятия, преломленных в языковых значениях, и помогает раскрыть систему понятий, через которую мы осмысляем окружающий мир» [6, с. 719]. Пространственное знание - основа любого знания человека о мире, так как взаимодействие человека и мира всегда происходит в системе пространственных координат. Пространство – самая крупная и важная для восприятия категория.

Пространство можно разделить на статичное и динамичное. Статичное пространство представляет собой лишь описание нахождения героев/предметов в пространстве данного художественного произведения. Динамичное пространство характеризует все перемещения героев, их взаимодействие друг с другом и с предметами.

Материалом исследования статичного и динамичного художественного пространства послужило произведение У. Фолкнера «Деревушка». Нами установлено, Художественное пространство доминирует в художественном мире У. Фолкнера.

Рассмотрим первый пример: «*He entered the store, carrying the pail, and Ratliff and his companions sat and squatted about the gallery all that day...*» [9]. Он вошел в лавку, держа ведро, а Рэтлифф с товарищами весь день просидели на корточках на галерее (перевод наш: К.Я.).

Как показывает когнитивно-герменевтический анализ контекста первый пример сочетает в себе проксемы статичного и динамичного пространства. Номинанты *entered, carrying* представляют динамичное пространство, причем второй номинант *carrying* репрезентирует взаимодействие героя с предметом (the pail). Другой номинант – *squatted* репрезентирует статичное пространство,

также автор произведения дополняет данный номинант словосочетанием *all that day*, что говорит о продолжительности нахождения героев в пространстве.

Рассмотрим второй пример: «*He rode up on a gaunt mule, on a saddle which was recognised at once as belonging to the Varners, with a tin pail tied to it. He hitched the mule to a tree behind the store and untied the pail and came and mounted to the gallery...*» [9]. Он приехал на тощем муле, в седле, взятом у Уорнеров (это было видно сразу), с привязанным к нему жестяным ведром. Он привязал мула к дереву за лавкой, отвязал ведро, подошел и поднялся на галерею... (перевод наш: К.Я.).

В данном примере характеризуется динамичное пространство произведения. Номинанты-проксемы *rode up, hitched, untied, came and mounted*. Номинант *hitched* репрезентирует взаимодействие в художественном пространстве героя с компонентом фауны, вербализованным именем существительным *the mule*. Номинант *untied* репрезентирует взаимодействие с предметом (*pail*) и номинанты *rode up, came and mounted* репрезентируют перемещение героя в пространстве.

Рассмотрим третий пример: «*...Ratliff said, going behind the counter and opening the store's single glassed-in case which contained a jumble of shoestrings and combs and tobacco and patent medicines and cheap candy. ... He began to choose sticks of the striped gaudy candy with care, choosing and rejecting*» [9]. ...сказал Рэтлифф, заходя за прилавок и открывая единственную стеклянную витрину, в которой находились шнурки для обуви, расчески, табак, патентованные лекарства и дешевые сладости. ...Он начал выбирать полосатые леденцы с осторожностью, выбирая и откладывая (перевод наш: К.Я.).

Анализ третьего примера выявил номинанты динамичного пространства *going behind, opening, choosing and rejecting*. Первый номинант характеризует перемещение героя в пространстве *going behind*, два других – взаимодействие героя с неодушевленными предметами (*case, candy*). Данный пример наглядно демонстрирует подробное описание действий и можно сделать вывод, что автор

уделяет первостепенное внимание деталям, что предоставляет читателю полную картину происходящего в пространстве.

Таким образом, данные примеры показывают, что автор уделяет больше внимания проксемам, а именно номинантам, репрезентирующим динамичное пространство, в котором происходит перемещение героев и их взаимодействие с предметами. Из 11 выявленных номинантов, 9 репрезентируют динамичное пространство. Также обратим внимание на то, что автор детально описывает все предметы, с которыми взаимодействуют герои в пространстве.

Библиографический список

1. Кикель П.В., Сороко Э.М. Краткий энциклопедический словарь философских терминов. – Минск: БГПУ, 2006. – 266 с.
2. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // ИАН СЛЯ. – 1997. – Т. 56. № 3. – С. 22-31.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14-285.
4. Огнева Е.А. Особенности пространственной модели "Новая Атлантида" в архитектонике утопии Ф. Бэкона // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2017. – № 3 (63). – С. 104-110.
5. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
6. Селиверстова О.Н. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия/ Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 719-941.
7. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст, семантика и структура. – М., 1983. – 239 с.
8. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993. – 321с.
9. W. Faulkner. The Hamlet. – L. :Worldsworth Editions Limited, 2002.

UDC 821.111

Komissarova A.L. Logical Reasoning as a Poetic Device in John Donne (Based on the Poem "Song" ("Go and Catch a Falling Star"))

Komissarova Alice Leonidovna
student of the Faculty of Humanities
of Nizhny Novgorod's campus of the Higher School of Economics
Russia, Nizhny Novgorod

Логическое рассуждение как художественное средство у Джона Донна (на примере стихотворения "Song" ("Go and Catch a Falling Star"))

Комиссарова Алиса Леонидовна
студентка фак-та Гуманитарных наук
Нижегородского кампуса Высшей школы экономики
РФ, г. Нижний Новгород

Abstract. This article is devoted to the study of logical reasoning, one of the central poetic devices that John Donne uses, on the example of the analysis of the poem "Song". Despite the fact that logical reasoning is recognized as one of the exceptional features of Donne's poetics, it has not been sufficiently studied. In addition, the poem "Song" rarely attracts the attention of researchers of Donne.

Keywords: John Donne, song, logic, reasoning, poetic device.

Аннотация. Данная статья посвящена изучению логического рассуждения, одного из центральных художественных средств, которые использует Джон Донн, на примере анализа стихотворения "Song". Несмотря на то, что логическое рассуждение является одним из ключевых признаков поэтики Донна, оно недостаточно изучено. Кроме того, стихотворение "Song" редко привлекает внимание исследователей творчества Донна.

Ключевые слова: Джон Донн, песня, логика, рассуждение, художественное средство.

John Donne (1573-1631) is an outstanding English poet and a cleric at the turn of the 16th and 17th centuries. Researchers recognize the complexity, ambiguity and depth of creativity of John Donne.

The ambiguity of his work is associated with the metaphysical style, which he initiated, and with the aesthetics of the Baroque. The Baroque literature comprehends the disharmony of the world and a person, their tragic confrontation and an internal struggle in the soul of the individual. Along with that, the Baroque permeates the belief in spirituality, in the greatness of God. The language of the Baroque is extremely complicated and based on extended metaphysical conceits, metaphors, oxymorons, paradoxes, puns and subtle analogies. The feeling of the illusiveness of life and the unreliability of knowledge has led to the widespread use of allegories and symbols, complicated figurativeness and decorative theatricality.

Logical reasoning should also be added to the above poetic devices in John Donne. The first step is to identify what is meant by the term "logical reasoning". Logical reasoning is the process of rational comprehension of certain ideas, hypotheses and statements in order to arrive at a general conclusion. In logical reasoning enumeration and analysis of arguments in favour of the position sought to

be proved or disproved are of key importance.

Studying at the Thavies Inn legal school, John Donne worked diligently on his mastery of logic and rhetoric that were necessary in order to challenge the testimony of witnesses, turn the process in the right direction and convince the jury of the rightness of his client. The poet is addicted to the absurd and extraordinary evidence of facts, and this was the core of his poetry, in which he aspired to intelligence.

The plots of Donne's poetic texts are based on the logical proof of a certain thesis. Nevertheless, a feature of Donne's poetics is not the central thesis and the idea, but the way of argumentation and deploying evidence. Thus, a plot is shown in a completely different light and the main thesis, which previously could be represented in the works of other poets, is viewed from a different angle. The main thesis is transformed by the approach of Donne and perceived by readers differently than the same idea from predecessors or contemporaries of the poet.

One example of the Donne's poetry will be analysed further to illustrate this phenomenon in his works. The poem "Song" ("Go and Catch a Falling Star") is included in a group of works based on Ovid's tradition. It is dedicated to female infidelity, which is devoted to many texts of Ovid. In this text Donne uses an unusual proof of female infidelity which are not similar to arguments of Ovid.

In the first stanza, Donne's speaker sarcastically offers his invisible and silent interlocutor to do the most incredible, unthinkable, impossible things. For example, catching a star ("catch a falling star" [1]), pregnancy of a mandrake root ("Get with child a mandrake root"), solving the mystery of the split devil's foot ("who cleft the devil's foot"), awareness of time ("Tell me where all past years are"), the ability to hear the singing of mermaids ("Teach me to hear mermaids singing"), etc. It is also important to emphasize that all of these fantastic images are compared with a female image. Singing mermaids, or sirens, is a stereotyped image that goes back to classical myths. These mythical creatures are considered incredible temptresses of men. Mermaids fascinated seafarers with an unusually beautiful singing and appearance wishing to kill them. An unattainable attractive woman, whose heart and soul man never get, is presented in the image of mermaids. The speaker equates a non-existent

and idealized creature (mermaid) to the faithful and virtuous woman who in his imagination represents the same mirage, the same fiction.

In the second stanza, the speaker ranks his interlocutor among a number of incredible things, because the interlocutor is endowed with the ability to see the invisible. It seems important that the interlocutor does not respond to the speaker, because he really does not exist in the real world. The speaker invites him to go in search of a miracle to report that women “true and fair” do not exist in the world. In this case, unreal events listed in the first stanza, the interlocutor with magical abilities and faithful women are attributed to objects that can not exist in the familiar reality.

It is worth noting that initially faithful women should relate to the objects of reality; however, John Donne deliberately classifies them as fantastic objects in his poem. Creating fantastic images in contrast with images of reality, the poet proves that the real-world object (faithful woman) does not exist, as he puts it on a par with mythical creatures and phenomena. Thus, John Donne destroys the natural order of things.

The third stanza is suddenly transferred to the real world in which the true woman could live next door. However, the irony about feminine fidelity does not disappear from the mouth of the speaker; he even calls the road to the fair woman a pilgrimage. The irony intensifies when the speaker says that while he gets to her, she will already deceive several men. The speaker proves that since among the fantastic events the faithful woman is an unprecedented miracle, in reality a meeting with such a woman is also impossible.

The proof of this poem is built on two interesting logical devices: adynaton and syllogism. Adynaton is a rhetorical device (or figure of poetic speech), based on the comparison of two parts of a statement in such a way that the possibility of one of named (or implied) events is dependent on the realization of the second obviously impossible [2]. Adynaton of “Song” is as follows: it is easier for the interlocutor to implement all the fantastic proposals of the speaker than to find the true woman in the real world. John Donne uses the deployed adynaton, which is almost equal to the entire plot of the poem. Therefore, the plot of the poem is logically built. Firstly,

Donne lists fantastic events that are possible for the interlocutor of the speaker, and then in opposition the poet demonstrates the impossibility of finding the fair woman.

Another device used by the poet for the proof of female infidelity is directly related to the logic. In traditional formal logic, a syllogism is a deductive reasoning in which two previously established propositions (major premise, minor premise) obtained third proposition called the conclusion [3]. The most well-known and well-studied kind of the syllogism is a simple categorical syllogism. Three terms are contained in the simple categorical syllogism:

S — minor term: subject of the conclusion (included in the minor premise and the conclusion);

P — major term: predicate of the conclusion (included in the major premise and the conclusion);

M – middle term (included in both premises, but is not included in the conclusion).

The syllogism of the Donne's text is as follows: Major premise: Try to do such unfeasible things as catching a star, hearing the singing of mermaids, conceiving a child with the root of a mandrake, etc. can only the person able to see invisible things. Minor premise: Only the person able to see invisible things can try to find the fair woman. Conclusion: To find the fair woman is such an unfeasible thing as catching a star, hearing the singing of mermaids, conceiving a child with the root of a mandrake, etc.

In this case

S – To find the fair woman

P - Such unfeasible things as catching a star, hearing the singing of mermaids, conceiving a child with the root of a mandrake, etc.

M - The person able to see invisible things

There is a possibility of another version of the syllogism based on the previous one. Major premise: Only the person able to see the invisible can do unfeasible things (finding the fair woman, catching a star, hearing the singing of mermaids, conceiving a child with the root of a mandrake, etc.). Minor premise: The person able to see the

invisible does not exist; the speaker only invents him. Conclusion: No one can do these unfeasible things, including finding the fair woman.

All the images used in the poem build the certain logic of the narrative and the logic of understanding the text. It is worth noting, at the first shallow reading, a reader will understand the main thesis of the poem, nevertheless the rest of the imagery system and the interrelation of the images will seem incomprehensible and unrelated to each other.

Eventually, the rather John Donne's simple poem seems to be overly inexplicable and mysterious when examined in depth. The logic of "Song" aggravates the complexity of understanding, because in this case the poet plays with minds, he achieves from readers a deeper immersion in the text. The work whose title awakens the reader to an easy and shallow perception is not what it seems. The poem and logical reasoning that forms the composition of the text deceive reader's expectations.

References

1. 169. Song. John Donne. English Poetry I: From Chaucer to Gray. Vol. XL. The Harvard Classics. New York: P.F. Collier & Son, 1909–14. // Bartleby.com, 2001. URL: <http://www.bartleby.com/40/169.html> (дата обращения: 12.10.2017).
2. Adynaton - Definition and Examples of Adynaton. // Literary Devices. Definition and Examples of Literary Terms. LiteraryDevices.net, 11 Mar. 2015. URL: <https://literarydevices.net/adynaton/> (дата обращения: 12.10.2017).
3. Syllogism - Examples and Definition of Syllogism // Literary Devices. Definition and Examples of Literary Terms. LiteraryDevices.net, 11 Mar. 2015. URL: <https://literarydevices.net/syllogism/> (дата обращения: 12.10.2017).

УДК 811'133

Сухоруков А.Н., Процесс организации языковой пуристической деятельности

Сухоруков Алексей Николаевич

Старший преподаватель кафедры восточной филологии
Таврическая академия
Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского
РФ, г.Симферополь

The process of organizing linguistic puristic activity

Sukhorukov Aleksei Nikolayevich

Senior teacher, V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Russia, Simferopol

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, позволяющие оптимальным образом сформировать механизм языкового пуристического воздействия. Отмечается, что организация языковой пуристической деятельности является процессом, состоящим из нескольких этапов, имеющих различную степень важности, зависящим от целей языкового пуризма в конкретной языковой ситуации и масштабов полномочий субъекта языкового пуризма.

Ключевые слова: языковой пуризм, лексический пуризм, языковая политика.

Abstract. The present article is devoted to a study of the issues that allow the optimal formation of a mechanism of linguistic purist impact. It is noted that the organization of linguistic puristic activity is a process consisting of several stages having a different degree of importance, depending on the aims of linguistic purism in the specific linguistic situation and the scope of authority of the subject of linguistic purism.

Key words: Language purism, lexical purism, language planning.

Языковая пуристическая деятельность направлена на очищение языка от нежелательных языковых явлений. Правильная организация пуристической деятельности позволяет сформировать механизм достижения поставленной цели.

Целью данного исследования является определение общей оптимальной схемы организации пуристического процесса, направленного на очищение языка от нежелательных элементов. Для достижения поставленной цели необходимо изучить и проанализировать опыт организации пуристической деятельности в различных странах и условиях, определить общие черты и выделить оптимальный алгоритм действий для достижения желаемого эффекта.

Вопрос организации процесса пуристической деятельности редко поднимался учёными лингвистами. Отдельные моменты специфики организации рассмотрены М.Е.Геерс в рамках её диссертационного исследования «Языковой пуризм в истории Англии и Германии» (2002). В частности, автор проанализировал проблему участия отдельных лиц, их профессиональную принадлежность и связь её с пуристическим процессом [1, с.46-50]. Геерс справедливо отмечает, что «пуристами, в большинстве случаев, были любители и полупрофессионалы», а также «чем выше уровень лингвистических знаний нормализаторов, тем умеренней и обоснованней их пуристические взгляды» [1, с.47]. Упомянула Геерс вкратце и о языковых

сообществах и академиях. Однако исследование указанного автора является, скорее, анализом роли пуристов и языковых сообществ в процессе очищения языка, чем анализом самого процесса организации и осуществления пуристической деятельности.

Наиболее полную, хоть и схематичную, картину относительно процесса организации языковой пуристической деятельности представил автор настоящей статьи в ходе работы V Международного научного конгресса «Глобалистика-2017» (МГУ, г.Москва, 25-30.09.2017) [4]. Ещё ранее нами были рассмотрены отдельные аспекты языкового планирования, оказывающие заметное влияние при определении тактики языковой политики, в том числе на формирование механизма пуристического процесса, а именно условия эффективности языковой пуристической деятельности [2] и методология определения степени эффективности языкового вмешательства [3].

Под организацией пуристического процесса мы понимаем определённый комплекс мероприятий или действий, направленный на создание оптимальных условий для достижения целей, поставленных инициаторами пуристического процесса. Прежде всего, следует учитывать, что пуристическая деятельность может принимать различные формы в зависимости от ряда параметров, в том числе целей языковой политики (ЯП), интенсивности и длительности пуристического воздействия, методов и т. п. Однако, главным определяющим фактором является субъект ЯП.

Можно выделить три уровня субъектов ЯП:

а) низший - деятельность отдельных личностей - поэтов и писателей, энтузиастов, независимо от уровня их профессиональной лингвистической подготовки;

б) средний - уровень организаций и сообществ, не всегда лингвистических, т.к. общим для всех них является проявленная в той или иной мере националистическая направленность;

в) высший — государственный уровень, когда ЯП является частью общенациональной программы и поддерживается в большей или меньшей мере

правительством.

Каждый последующий уровень включает в себя в себя предыдущий, например, ЯП на уровне организаций не исключает независимую от них деятельность отдельных энтузиастов очищения языка, а государственный уровень ЯП допускает пуристическую деятельность как отдельных личностей, так и организаций. Соответственно, процесс организации пуристического процесса государственного уровня является самым сложным. Чем ниже уровень, тем проще процесс и тем меньшим масштабом и глубиной воздействия он может обладать. Исходя из отмеченного выше, мы считаем целесообразным рассмотреть механизм организации пуристической деятельности на государственном уровне как базовый, включающий в себя этапы, в той или иной мере желательные, но не обязательные для ЯП всех уровней.

В кратком виде организацию пуристической деятельности государственного уровня можно представить как процесс, состоящий из следующих этапов:

1. предварительный этап, в ходе которого после анализа сложившейся языковой ситуации принимается решение о необходимости очищения языка;
2. определение цели ЯП;
3. ознакомление с опытом преодоления данной языковой проблемы в других странах, желательно в странах со сходной языковой ситуацией и родственным языком;
4. определение критериев, в соответствие с которыми будет происходить дифференциация элементов языка на «желательные» и «нежелательные»;
5. подготовка инструментов ЯП:
 - законодательная база;
 - административная база, в т.ч. органы и учреждения, на которых будет возложена функция разработки, осуществления и контроля над процессом очищения языка;

- подготовка и комплектация кадрового состава;

6. анализ языка и определение его «нежелательных» элементов;

7. определение оптимальных вариантов пуристических замен (ПЗ).

Так как пуристическому воздействию подвергается, преимущественно, лексический слой языка, выделим некоторые этапы, желательные для организации пуристической деятельности в данной области:

- совместная работа лингвистов с профильными специалистами в той области знания, лексика которой подвергается очищению;

- обсуждение и утверждение вариантов ПЗ на межотраслевых собраниях специалистов различных направлений. Подобного рода межотраслевые собрания призваны предотвратить возможность появления одинаковых терминов в разных науках со значением, несоответствующим друг другу, что может привести к развитию излишней полисемии;

- в случае необходимости - доработка терминов-ПЗ и утверждение их, последовательно, в ходе заседаниях профильных и межотраслевых терминологических отделов, после чего вариант ПЗ передаётся на утверждение высшему уполномоченному органу;

- анализ проделанной работы. Подведение итогов, сопровождаемое определением достигнутых результатов и моментов, оставшихся недоработанными с указанием причин и возможных путей решения. Если вопрос не решён - составление перспективного плана.

8. ознакомление широкой общественности с утверждёнными высшим уполномоченным органом пуристическими заменами.

9. контроль над соблюдением новых языковых норм. Данный пункт характерен не для всех моделей пуристической деятельности.

Выводы. Организация языковой пуристической деятельности является процессом, состоящим из нескольких этапов, имеющих различную степень важности, зависящим от целей языкового пуризма в определённой языковой ситуации и масштабов полномочий субъекта языкового пуризма.

Библиографический список

1. Геерс М. Е. Языковой пуризм в истории Англии и Германии: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тверь, 2002. - 299 с.
2. Сухоруков А.Н. Условия эффективности языковой пуристической деятельности // А.Н.Сухоруков. Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. – №7 (27). – С.96-102
3. Сухоруков А.Н. Определение уровня эффективности языкового пуристического вмешательства // А.Н.Сухоруков. Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. – №8 (28). – С. 63-67
4. Сухоруков А.Н. Организация языковой пуристической деятельности (V Международный научный конгресс «Глобалистика-2017» МГУ, г.Москва, (25-30.09.2017)

УДК 808.5

Сырцова О. В. Речевая коммуникация как важнейшая составная жизни современного человека

Сырцова Ольга Викторовна
старший преподаватель кафедры филологии
Института педагогического образования и менеджмента
АР Крым г. Армянск

Speech communication as a vital component of modern life

Sirtsova Olga Viktorovna
Senior Lecturer, Department of Philology
Institute of teacher education and management
AR Crimea, Armyansk

Аннотация. В статье обосновывается роль речевой деятельности в жизни современного общества.

Ключевые слова: речевая деятельность, коммуникация, грамотная речь, речевые ошибки.

Abstract. The article explains the role of speech activity in modern society.

Key words: speech activity, communication, good speech, speech errors.

Иностранное слово «коммуникация» широко используется в русской речи, хотя близким по значению к нему является русское слово «общение».

Профессор О. Я. Гойхман считает, что «коммуникация – специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой

деятельности»[4].

Речевая деятельность занимает важное место в жизни современного человека. Умение вести диалог становится одной из основных характеристик личности как социального феномена.

Внутренний мир человека проявляется в речи. Поэтому прав был Лев Николаевич Толстой, который говорил, что «Обращаться с языком кое-как – значит и мыслить кое-как». Антон Павлович Чехов утверждал, что «В сущности, ведь для интеллигентного человека дурно говорить, можно бы считать таким же неприличием, как не уметь читать и писать».

Высокий уровень речевой культуры – неотъемлемая черта культурного человека. Совершенствовать свою речь – задача каждого из нас. Для этого нужно следить за своей речью, чтобы не допускать ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в построении предложения. Нужно постоянно обогащать свой словарь, учиться вести беседу, чувствовать своего собеседника, уметь отбирать наиболее подходящие для каждого случая слова и конструкции.

Что же подразумевает понятие «речевая культура»? Прежде всего, это речь литературная, построенная по установленным нормам (общепринятым правилам) русского языка.

Большой Энциклопедический словарь так трактует понятие «культура речи», «... соответствие индивидуальной речи нормам данного языка, умение использовать языковые средства в разных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи; раздел языкознания, исследующий проблемы нормализации»[1].

Лингвистический энциклопедический словарь дает такое объяснение: «Культура речи – владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения»[6].

Значительным вкладом в разработку вопросов культуры речи являются

работы Л. И. Скворцова, И. А. Стернина, Н. И. Формановской, в которых рассматриваются основные понятия и термины культуры речи, разработаны основные требования к публичным выступлениям, показаны языковые и речевые стили в их отношении к культуре речи.

Среди наиболее известных научных работ о состоянии речевой культуры общества на рубеже 20–21 веков можно отметить коллективную монографию «Русский язык конца XX столетия», работы О. А. Лаптевой «Живая русская речь с телеэкрана», В. Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи», а также работа по риторике И. А. Стернина, И.Н. Н. Кохтева, Ю. В. Рождественского.

Теоретические и практические задачи культуры речи рассматриваются в работах таких ученых, как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. К. Граудина, Б. Н. Головин, С. И. Ожегов, Л. И. Скворцов, Е. Н. Ширяев.

Важнейшая эпоха в становлении культуры речи как особой лингвистической дисциплины связана с именем профессора Сергея Ивановича Ожегова – талантливого исследователя, крупного лексикографа – основателя сектора русской речи в Институте русского языка РАН и автора многих научных трудов.

Теоретический анализ показывает, что в речевой деятельности следует учитывать следующее:

1. Ошибки ударения – это самый распространенный вид ошибок в русском языке. Например, не щАвель, а щавЕль, не искрА, а Искра, не свеклА, а свЕкла, не красивЕе, а красИвее, не туфлЯ, а тУфля и др.

2. Вторая типичная речевая ошибка – нарушение лексической сочетаемости, например: Большую половину докладчик посвятил вопросам экономики (половина не может быть больше или меньше). Это важный шаг, и его надо пройти (его надо сделать).

3. Употребление слова в несвойственном ему значении: например, Он спрыгнул с коня и упал навзничь, закрыв лицо руками. (навзничь т.е. на спину)

4. Неправильное употребление паронимов, например:

Ученый стоял у источников ракетостроения (правильно у истоков). Он

понял, что стал косным виновником гибели товарища (правильно косвенным). Госпожа Простакова избивает крестьян за малейшую повинность (правильно провинность)

5. Особые трудности употребления в речи вызывают заимствованные слова, например:

Срок выполнения заказа может быть пролонгирован (продлен). В тексте этого выступления много дефектов (недостатков).

6. Встречаются следующие виды многословия:

а) плеоназм – избыток, чрезмерность – употребление в речи близких по смыслу и потому логически излишних слов. Пример: Все гости получили памятные сувениры (сувенир – подарок на память). Он опустил голову вниз (опустил, уже предполагает вниз). Сегодня она впервые дебютировала на сцене (дебют обозначает первое появление).

б) тавтология – повторение однокоренных слов или одинаковых морфем, например: Директор фирмы настраивал работников на деловой настрой.

Необходимо неустанно работать над совершенствованием и обогащением своей речи. Пусть напутствием для каждого станут слова Д. С. Лихачёва: «Каждый человек должен так же писать хорошо, как и говорить хорошо. Речь, письменная или устная, характеризует его в большей мере, чем даже его внешность или умение себя держать»[2, с. 21].

Итак, речевая коммуникация – важное условие жизнедеятельности человека, одна из составных современного общества.

В заключение отметим, что речь – это показатель образования, воспитания, культуры каждого человека. Необходимо уделять особое внимание речевой коммуникации. Красивая грамотная речь – необходимость каждого современного человека.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь под. ред. А.М. Прохоров изд. Советская энциклопедия, Фонд «Ленинградская галерея» : 1993г. – 1632 с.
2. Библиография трудов Д. С. Лихачева / Земля родная: кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1983. – 256 с.

3. Введенская Л. А., Черкасова М. Н. Русский язык и культура речи Серия «Учебники, учебные пособия». – Ростов н/Д: Феникс, 2004.– 384с.
4. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация: Учебник / Под ред. проф. О.Я. Гойхмана. – М.: ИНФРА – М. : 2003. – 272 с.
5. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. К. 90 Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М.: 1998. – 560 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
7. УДК 811.111+811.161.1

Токарева О.В. Категория одушевленности / неодушевленности и ее отражение в синтаксисе английского и русского языков

Токарева Ольга Владимировна
аспирант кафедры английской филологии и перевода
Санкт-Петербургский государственный университет
РФ, г. Санкт-Петербург

The category of animate / inanimate and have it reflected in the syntax of English and Russian languages

Tokareva Olga Vladimirovna
postgraduate student at the Department of English Philology and Translation
St. Petersburg State University
Russia, Saint Petersburg

Аннотация. В статье рассматриваются особенности выражения категории одушевленности / неодушевленности на уровне синтаксиса русского и английского языков. Делается вывод о более свободной сочетаемости неодушевленных существительных с агентивными глаголами в английском языке по сравнению с русским языком.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, категория одушевленности, синтаксис, падежная грамматика

Abstract. The article describes the ways in which animacy manifests itself in English and Russian syntax. It shows that combinations of inanimate nouns with agentive verbs are more common in English than in Russian.

Keywords: English, Russian, animacy, syntax, case grammar

Категория одушевленности / неодушевленности, являясь лексико-грамматической категорией, актуализуется как в лексической, так и грамматической системах языка. В синтаксическом плане она может актуализоваться как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения.

Согласно закону семантического согласования В.Г.Гака, два слова составляют правильное сочетание в том случае, если они имеют одну общую сему помимо специфических, различающих их сем [4, с. 279]. Основываясь на законе В.Г.Гака, А.Г.Нарушевич выводит две нормативные синтагматические модели при рассмотрении словосочетаний с позиции выражения значения одушевленности / неодушевленности [7, с. 20]:

1) одушевленное имя существительное + глагол, маркированный семой одушевленности;

2) неодушевленное имя существительное + глагол, не имеющий маркировки семой одушевленности.

Сочетания, выходящие за рамки данных моделей, рассматриваются как случаи семантического рассогласования. Они представляют собой либо нарушение нормы, либо переосмысление одного из членов словосочетания [7, с. 21]. Второе справедливо для метафор персонификации, которые формируют особые, “гибридные” понятия, совмещающие в себе признаки живого и неживого. Для того чтобы понять и принять необычное словосочетание, носитель языка должен либо реконструировать его синтаксическую подоплеку, либо найти в данных словах общие семы. В противном случае выражение рискует остаться непонятым [8, с.206].

Значение одушевленности находит свое отражение не только в рамках словосочетаний, но и в синтаксической структуре предложения. Рассматривая набор основных моделей предложений английского языка, А.И.Варшавская отмечает, что субъектно-объектная модель SVO в общем виде представляет отношение “человек – действие”. В ней находит отражение категориальная оппозиция субъекта и объекта, связанная с категорией деятельности. При этом субъект деятельности (действующее лицо, человек) отображается в подлежащем данной модели, а предметный мир – в дополнении [2, с. 19].

В результате прогресса лингвистической науки в середине XX века внимание исследователей сместилось со структурного на содержательный аспект предложения. Кроме того, язык стали рассматривать не только как

форму существования мысли, но и как процесс, моделирующий в присущих ему схемах ситуации объективной действительности. Видение природы языка и предложения в подобном ключе получило свое оформление в теории ролевой/падежной грамматики, сформулированной Ч.Филлмором.

Согласно положениям падежной грамматики, семантика предложения состоит из совокупности так называемых семантических валентностей. Глагол является центром предложения и диктует ряд глубинных падежей, представляющих собой семантические роли аргументов.

Ч.Филлмор выделял шесть глубинных падежей: Агентив (Agentive), Инструменталь (Instrumental), Датив (Dative), Фактитив (Factitive), Локатив (Locative), Объектив (Objective) [11, с. 369].

- Агентив – активный одушевленный производитель действия; передается через подлежащее или дополнение (*James opened the book; the book was opened by James*);

- Инструменталь – средство/предмет, с помощью которого осуществляется действие; передается через подлежащее, дополнение (*John opened the door with a key; the key opened the door*);

- Датив – лицо, затронутое состоянием или действием; передается через дополнение (*My sister is feeding her baby*);

- Фактитив – результат действия; передается через дополнение (*He wrote a letter*);

- Локатив – указатель места; передается через подлежащее или обстоятельство (*Bristol is my hometown; she lives in Berlin*);

- Объектив – предмет, на который направлено действие; передается через дополнение (*Robert gave his pen to Jane*).

Согласно высказыванию Е.Г.Хомяковой, падежная грамматика не только “вдохнула жизнь” в процедуру анализа предложения, позволив на уровне текста говорить о реально действующем субъекте номинируемой им ситуации, но и “оживила” всю процедуру лингвистического анализа [12, с. 51]. Кроме того, когнитивный подход к синтаксису, на котором базируется падежная

грамматика, наглядно демонстрирует то, насколько сильное влияние оказывает синтаксис высказывания на читателя/слушателя. Например, при попытке семантизировать искусственное высказывание *the chair laughed*, ничего не остается делать, кроме как подвести его под типовую ситуацию “поведение субъекта”, а слово *chair* окказионально анимизировать [8, с. 65].

Классификация Филлмора послужила базой для более детализированных классификаций других исследователей. Например, Ю.Д.Апресян рассматривает порядка 25 семантических валентностей, Н.Н.Леонтьева – до 50 семантических отношений [5, с. 31]. Различие в количестве семантических ролей обусловлено тем, что не всегда можно однозначно определить семантические отношения между предикатом и актантами. На эту особенность указывает сам Ч.Филлмор, который считает введение дополнительных падежей необходимым по мере роста количества исследуемых примеров, однако разрастание системы, как отмечает сам автор, делает теорию менее устойчивой. Дж.Лакофф предлагает бороться с противоречием между ограниченным грамматическим инвентарем выражения отношений внутри предложения и растущим количеством глубинных падежей с помощью когнитивной теории метафоры [13, с. 27]. В качестве примеров приводятся предложения, объединенные метафорическими отношениями SEEING IS TOUCHING (*her eyes picked out every detail of the problem; their eyes met*) и EXPRESSIONS OF EMOTION ARE OBJECTS ON THE FACE (*the look of tranquility fell from his face when he heard the news*). Автор утверждает, что с позиции теории глубинных падежей довольно сложно выделить семантические роли для слов *eyes* и *look* в приведенных примерах, что может привести к введению все новых и новых ролей. Если же прибегнуть к метафорическому анализу, то все многообразие семантических ролей сведется лишь к отношениям между источником (source domain) и целью сравнения (target domain).

Усложняет задачу систематизации падежей то, что один и тот же падеж может быть выражен разными средствами. Кроме того, одно и то же средство может использоваться для отражения разных падежей. Так,

например, в английском языке второстепенные члены предложения зачастую занимают типичную для выражения агенса позицию подлежащего, в то время как агент оказывается опущенным. Н.Н.Гриднева отмечает следующие семантические роли, способные занимать позицию подлежащего при агентивном по своей семантике сказуемом [5, с. 42]: 1) Локатив (*the third chapter of the book describes extra-terrestrial civilization*); 2) Инструмент (*the following epithets prove the possibility of such interpretation*); 3) Цель (*strong muscles require constant training*); 4) Пациент (*words written according to the rules of American English can either delete or replace some letters as in color instead of colour and theater instead of theatre, respectively*); 5) Темпоратив (*last year saw record low in Arctic sea ice*). Н.П.Федорова, А.И.Варшавская и Л.С.Бархударов также фиксируют частотное употребление в английском языке существительных локальной, темпоральной и каузативной тематики в качестве подлежащего в сочетании с предикатом, характерным в первую очередь для одушевленных существительных [1, с. 200; 10, с. 163].

В русском же языке синтаксическое подлежащее может указывать на активного деятеля (*он рисует картину*) или на лицо, испытывающее некое воздействие (*он слышал музыку*), на объект действия (*дом был построен быстро*) или адресата (*Елена получила письмо от Дмитрия*). В качестве подлежащего также могут выступать причина (*снегопад помешал ему сесть за руль*) или инструмент (*ручка больше не пишет*), однако данные примеры могут рассматриваться как вторичные функции этой синтаксической формы. В русском языке за подлежащим прежде всего закреплён именительный падеж существительного, имеющего субъектное (*мальчик читает*) или объектное (*лекция записывается студентами*) значение [9, с. 186], что ограничивает употребление других семантических падежей.

Исследователи отмечают агентивный потенциал подлежащего в русском языке, поскольку если позиция субъекта в русском предложении занята существительным с конкретно-предметным значением (*кровь молчала,*

город уехал), читатель или слушатель легко придает этому предмету черты живого существа. Установлено, что если слово употребляется в непривычном для себя окружении, то его лексическое значение подстраивается под общий (синтаксический) смысл всей конструкции. Лексика подчиняется синтаксису, а не наоборот [8, с. 63].

Среди отличительных особенностей русского языка следует отметить наличие целого ряда конструкций (неопределенно-личная, безличная, инфинитивная и пассивная), в которых агенс устранен из позиции подлежащего. Такие предложения, как *в лесу сыро* или *в газетах писали, что в нашем районе будет метро* используются в русском языке чаще, чем синонимичные им *лес сырой* или *газеты писали, что в нашем районе будет метро*. Считается, что такие конструкции более богаты по семантике, чем двусоставные предложения, поскольку в них указывается место действия и отмечаются некоторые признаки деятеля, а также их звучание является более естественным для русского языка [6, с. 84].

А.Вежбицкая также отмечает то, что в английском языке неактивные агенты при активном по своей семантике глаголе чаще занимают позицию подлежащего по сравнению с русским языком, в котором большее распространение получили пассивные и безличные конструкции. Она выделяет два типа языков – языки агентивные (английский) и языки пациентивные (русский). Для языков первого типа характерны номинативные и номинативоподобные конструкции, в то время как для языков второго типа – дативные и дативоподобные [3, с. 55]. А.Вежбицкая рассматривает прежде всего ситуации, участниками которых являются люди (напр. *He failed... / Ему не удалось...; Can I...? / Можно мне...?*) однако стоит отметить, что и неодушевленные объекты в английском языке чаще выступают в роли подлежащего, нежели в русском.

Сравнение особенностей выражения категории одушевленности / неодушевленности в рамках синтаксиса английского и русского языков показывает, что между двумя языками существуют определенные различия в

данной сфере. В узусе английского языка неодушевленные существительные более охотно по сравнению с русским языком занимают позицию подлежащего при сказуемом, выраженном агентивным по своей семантике глаголом.

Библиографический список

1. Бархударов Л.С. Языки и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
2. Варшавская А.И. Семантика агентивности и антропоцентричность английского предложения // Трехаспектность грамматики / Отв. ред. В.В.Бурлакова. СПб., 1992.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
4. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Языковые преобразования. М.: Шк. "Языки русской культуры", 1998.
5. Гриднева Н.Н. Основы семантики синтаксиса: Учебное пособие по теоретической грамматике английского языка. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009.
6. Долбик Е.Е., Леонович В.Л., Супрун-Белевич Л.Р. Современный русский язык: хрестоматия. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Минск: БГУ, 2010.
7. Нарушевич А.Г. Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля. Автореф. дис. канд. филол. наук. Таганрог, 1996.
8. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта, 2013.
9. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э.Розенталь, И.Б.Голуб, М.А.Теленкова. М.: Айрис-пресс, 2010.
10. Федорова Н.П., Варшавская А.И. Перевод с английского языка. Повышенный уровень. Часть 2. СПб.: Невский ракурс, 2011.
11. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. Вып. X. М.: Прогресс, 1981.
12. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
13. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.

Научное издание

Филология и литературоведение в контексте межкультурной коммуникации

Сборник научных трудов по материалам
II Международной научно-практической конференции

17 декабря 2017 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

Данный сборник распространяется по лицензии Creative
Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Формат 60x84/16. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru